

Комната мертвых

Автор:

[Франк Тилье](#)

Комната мертвых

Франк Тилье

Звезды мирового детектива Комиссар Франк Шарко и Люси Энебель

Зимней ночью на пустынной дороге двое безработных компьютерщиков сбивают человека. Рядом с телом они находят сумку с двумя миллионами евро и, недолго думая, скрываются вместе с деньгами. На следующий день на заброшенном складе обнаружена задушенная слепая девочка. Что, если деньги были выкупом за ее жизнь, предназначенным похитителю? Вскоре исчезает еще одна девочка. Она больна диабетом, и без инсулина часы ее сочтены...

Франк Тилье

Комната мертвых

Franck Thilliez

La Chambre des morts

© Le passage paris-new york editions, Paris, 2009

© Т.Источникова, перевод на русский язык, 2011

© ООО "Издательская Группа "Азбука-Аттикус", 2013

Издательство Иностранка®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Валери, которая побуждает меня изо дня в день двигаться вперед

Встань, спящий, и воскресни из мертвых.

Послание к Ефесеянам, 5:14

Мне скажут, что чрез смерть даем жизнь прочим мы,

И насекомых вдруг из нас родятся тьмы.

Вольтер. Поэма на разрушение Лиссабона

Пролог

Август 1987 года, север Франции

С прошлой ночи запах стал еще сильнее. Он насквозь пропитал не только простыни и подушки, но и всю комнату, навязчивый и тошнотворный. Девочка

стянула футболку и плотно закрыла ею нос, завязав края на затылке. Однако это почти не помогло – зловонные молекулы беспрепятственно проникали сквозь ткань, источая невидимый яд. Бывают случаи, когда не можешь справиться с чем-то несоизмеримо меньшим, чем ты сам.

Сквозь запертые окна сочилась тягучая летняя жара. Гудели мухи, они облепили сгнивший огрызок яблока, отчего казалось, будто он усыпан осколками зеленого стекла. Мух в комнате были тысячи, и девочка чувствовала себя совершенно бессильной против этих крылатых орд. Они размножались с невероятной быстротой и, стоило ей хоть на минуту отвлечься, тучами слетались к кровати. В конце концов девочка сдалась и перестала их отгонять.

Ей не было девяти, а она уже хотела умереть.

В горле у нее пылал пожар, язык распух. Казалось, собственный организм ополчился против нее, заставляя выгибаться дугой в мучительных судорогах. Нужно было во что бы то ни стало утолить жажду. Это означало – встать, выйти из комнаты и дойти до ванной.

О нет!

На нее смотрели тысячи фасеточных глаз. Тысячи крошечных лапок сгибались и разгибались, словно ковши мини-экскаваторов.

Это займет всего минуту! Всего одну минуту! Эти твари не успеют...

Девочка сбросила укрывавшую ее простыню, не отрывая глаз от своих омерзительных врагов. Уже несколько часов ее терзало неодолимое желание помочиться. Она собиралась дойти до ванной и пописать в раковину, как делала все эти три дня. О том, чтобы спуститься на первый этаж, в уборную, не могло быть и речи.

Ее лоб, руки и ноги, покрытые синяками, взмокли от пота. В доме было душно – ни малейшего сквознячка. Воздух буквально обжигал гортань. Даже здесь, в гуще леса, царила тропическая жара. При каждом вдохе девочка словно глотала бритвенные лезвия. Когда же кончится эта пытка?..

Она стиснула в руках игрушку – маленькую плюшевую обезьянку, прежде чем наконец решилась спустить ноги на ковер, уже готовая бегом броситься в ванную. Но вдруг до нее донесся скрип деревянных ступенек, и она в ужасе замерла. Ну вот и все. Пришел и ее черед...

Она кинулась к двери, закрыла ее на задвижку и скорчилась на кровати, с головой укрывшись простыней и прижав к себе свое плюшевое сокровище.

Я им тебя не отдам, ни за что на свете! Обещаю!

В следующий миг на дверь обрушился град ударов – таких сильных, что девочка в ужасе втянула голову в плечи и сжалась еще сильнее, чувствуя, как ноги заливают горячая жидкость, – ее мочевой пузырь наконец не выдержал.

Человек в форме с трудом сдержал приступ тошноты от ударившей в нос невыносимой вони. Затем подошел к кровати и приподнял простыню. Единственным, что он смог произнести вслед за этим, было:

– Господи боже!..

Глава 1

Шестнадцать лет спустя

– Дай-ка мне еще баллончик!

Виго осторожно вынул баллончик с краской из спортивной сумки.

– Это последний. Давай быстрее, я замерз как собака!

Сильвен обогнул западное крыло «Виньи индустри». Его переполняли смешанные чувства жгучей ненависти и болезненного удовольствия. В этот поздний час настало время свести счеты с врагом...

Его застывший от холода большой палец надавил на кнопку распылителя. Огромные буквы возникали на стене одна за другой, складываясь в грязные ругательства. Через несколько минут подошел Виго:

- Ну, ты закончил?

- Угу. Долго же этим уродам придется все оттирать!.. Вот смотри, я все сделал в точности, как ты говорил, - обычная похабень плюс выпады против синдикалистов.

- Отлично! Подумать только - там внутри повсюду сигнализация, а стоит перебраться через жалкую ограду, и можно поразить имидж компании в самое сердце!

- Пусть расплачиваются! «Мы поможем вам с трудоустройством...» - передразнил Сильвен. - Сволочи! Вместо этого мы уже полгода без работы!..

Виго в последний раз полюбовался на дело их с приятелем рук, осветив стену карманным фонариком. Торговое представительство сталелитейной компании было покрыто граффити, как автобусная остановка. Что ж, хороший урок для этих сидящих пиджачников с наманикюренными ногтями и шестизначными доходами...

Но тут в груди у него похолодело - луч фонарика осветил запасной выход.

- «Буаден, ты покойник!» - прочитал он вслух. - Сильвен, ты спятил? Это все равно что подписаться своей фамилией! Ты наехал на директора вычислительного центра! Это сразу навлечет на нас подозрение!

- Да ладно тебе, мы живем в ста километрах от Дюнкерка! И без нас хватает тех, кто...

- Закрась это сейчас же!

- Ты параноик! У меня и краски-то не осталось...

– Выжми все до капли!

Остатков краски на дне баллончика все же хватило, чтобы замазать уличающую надпись.

– Порядок, – выдохнул Виго. – Что, нельзя было удержаться?

– Я ненавижу этого типа! Если б я мог заставить его сожрать собственный галстук – уж я бы не отказал себе в удовольствии! Меня задолбали все эти собеседования! Каждый раз одна-единственная вакансия – и толпы соискателей! Мгновенно все тут как тут – будто акулы, которые почуяли кровь... Мне никогда не получить работу!..

– Ничего, мы еще увидим лучшие деньки. Надо просто немного подождать, перетерпеть... Так, ну все. Теперь валим отсюда.

Они быстро перемахнули через решетчатые ворота и сели в «пежо-306». Виго открыл две банки пива.

– Обидно, конечно, что мы до такого докатились, но надо же отпраздновать нашу маленькую победу...

Они пили пиво в тягостном молчании, погруженные в свои горькие мысли. Уволенные по сокращению с минимальным выходным пособием, брошенные в пасть этого безрадостного мира, равнодушно перемалывающего их своими стальными челюстями... Рождество в этом году явно не сулило приятных сюрпризов, лишь сплошные фальшивки – позолоченные кольца, поддельные сигары... Ну, на безрыбье, как говорится...

Тяжело вздохнув, Виго наконец произнес:

– Ну что, давай напоследок прокатимся к ветрякам? Надо малость проветрить мозги, а заодно вспомнить старые добрые времена.

– Что-то не тянет... Я и раньше это не особенно любил...

– Поехали! Докажем себе, что в двадцать семь жизнь не кончается! Пусти меня за руль. Я хочу открыть этот бал!

Под куполом ночного неба промзона Дюнкерка протянула во все стороны, насколько хватало глаз, множество сверкающих щупальцев. По обе стороны от пустынных дорог в декабрьских сумерках виднелись огромные, почерневшие от копоти заводские трубы.

– Ну прямо «Звезда Смерти» из «Звездных войн», – заметил Сильвен, невольно впечатленный этим пейзажем. – Сплошные железо и бетон, и ни одной живой души на километры вокруг!.. Да еще этот постоянный гул... За столько-то лет пора бы и привыкнуть, но этот железный монстр все еще нагоняет на меня страх.

– Дюнкерк во всей своей красе: кладбище металлолома... Ну поехали!

Машина свернула к заводу «Эр Ликид» и выехала на дорогу, уходящую в никуда, по обе стороны которой почти вровень с землей горели желтые и зеленые сигнальные огни. Виго выключил фары. Вокруг виднелись десятки гигантских ветряков, мерно гудевших под шквалистыми порывами ветра.

– Вот она, наша взлетная полоса! К черту ограничения скорости! На хрен эту законопослушную, наперед расписанную жизнь! В гробу я видал все правила этого мира! Сколько бишь там можно выжать из твоей тачки?..

– Не нравится мне эта идея. Включи фары.

– Ни за что! Это для максимальной остроты ощущений. Вот увидишь, я выжму все сто шестьдесят! Хочешь, поспорим? Гребаных сто шестьдесят! Выдержишь? Пристегнись!

Мотор взревел, поднимая на дыбы табун лошадей. Вскоре два ряда сигнальных огней по сторонам дороги превратились в сплошные светящиеся линии. Это действительно было похоже на взлет. В крови обоих приятелей бушевал адреналин.

И вдруг – удар невероятной силы...

Глава 2

«Бывают папуасы-папуасы, а бывают непапуасы... Бывают папуасы-папы и папуасы-непапы...»

Мелоди, не умолкая ни на миг, монотонно напевала свою любимую считалочку. Когда она пела, звуки весело танцевали у нее в голове, прогоняя скверные мысли. В желудке ныло уже не так мучительно. Если она больше не будет кричать, Чудище выполнит свое обещание и вернет ее обратно к папе, маме и всегда веселой собачке Трещотке. Она крепче прижала куклу к своему маленькому сердечку, не переставая напевать.

Не думать об этом рычании... Его нет... Мне холодно... Мне хочется есть...

Царапающая боль в горле не стихала. Казалось, там застряло что-то острое, и это ощущение заставляло девочку кашлять, а иногда вызывало желание разодрать ногтями нёбо, чтобы добраться до мешающего дышать препятствия. Она пила воду, полоскала горло, отплевывалась – но ничего не помогало, горло начинало саднить еще сильнее, как будто она выкашливала пламя.

С того момента, как они оказались в этом сыром подвале, Чудище кипело от гнева. В его громком топоте по земляному полу Мелоди слышался отзвук внутренней злобы. Порой Зверюга кругами ходил вокруг нее, и она ощущала на лице волны его теплого смрадного дыхания. Но она не противилась. Она покорно сидела не двигаясь. Почему же папа не приходит за ней? Почему Чудище не выполняет свое обещание?

Потому что чудища злые. Чудища никогда не говорят правду.

Окоченевшая от холода, девочка пыталась догадаться о сути происходящего, уловить хоть что-то в напряженной, угнетающей атмосфере, похожей на предгрозовую. Она, как почти всякий ребенок, обладала повышенной по сравнению со взрослыми восприимчивостью – неким шестым чувством, которое позволяло ей видеть внутреннюю сущность окружающих ее созданий, ощущать теплоту их доброжелательности или, напротив, их обжигающую ярость. И то,

что она видела в душе Чудища, ее ужасало. Сдерживая рыдания, она попыталась незаметно смахнуть катящуюся по щеке слезу, одновременно подгибая ноги, чтобы прижать колени к груди. Слишком поздно. Пощечина была такой сильной, что свалила ее на пол.

- Прекрати хныкать! И не тискай свою куклу! Не смей ее тискать, слышишь!

Резкая боль, вкус крови на губах, судорожная попытка вдохнуть воздух...

Считалка, которая прежде ее успокаивала, больше не помогала.

Мелоди закрыла глаза, пытаясь отыскать в глубине собственной души теплоту, веселый смех, услышать дружелюбное ржание Пастилки, карликового пони... Но все было бесполезно. Непроглядная ночь окутала ее душу и грозила поглотить девочку целиком. Навсегда.

Когда она наконец укроется в надежных объятиях отца, то, конечно, все ему расскажет. Что Чудище делало ей больно, а она даже не могла кричать, потому что рот у нее был заклеен лейкопластырем. Что потом оно заставляло ее сидеть неподвижно и улыбаться, несмотря на тошнотворный запах кожи, пропитавший все вокруг, и расчесывало ей волосы с такой силой, что ей казалось: еще немного, и оно сдерет с нее скальп...

Да, она расскажет обо всем, не забыв ни малейшей детали. Об этих запахах, от которых ее тошнило, о нечеловеческих воплях, о непонятных тварях на полу, склизких и похрустывающих... Их там были сотни. Тысячи!

Она вновь ощутила смрадное дыхание хищника, волной нахлынувшее на ее голову, словно жаркий ветер саванны. Совсем близко! Однако его шагов - его копыт, невольно подумала Мелоди - больше не было слышно. Это означало, что он замер где-то рядом с ней, пристально разглядывая ее. Как же он выглядит?.. Она представляла себе острые клыки, жесткую шерсть на морде, огромные глаза...

Она никогда не видела даже смутных очертаний Зверюги или других существ, еще более странных. Но как же тогда ей точно описать Чудище?.. Конечно, она рассказала бы всю эту историю своим соученикам по специализированной школе, но они ее даже слушать не станут. Несмотря на свой юный возраст, она

уже знала, что большинство людей верят только в то, что видят. А зрение – тот способ постижения реальности, который ей недоступен. И никогда не будет доступен.

Мелоди собирала последние силы, истощая всю остававшуюся у нее энергию, чтобы не кричать. Ее пальцы, ладони, ступни окоченели от холода. Зубы стучали. Все тело постепенно теряло чувствительность. Почему Зверюга отобрал у нее халат?.. Она попыталась напрячь голосовые связки, чтобы попросить свой халат, или одеяло, или хоть гнездо, выстланное птичьими перьями, – но уже внутри ее самой нарастали смятение и разлад. Ее собственный организм больше ей не подчинялся.

Она услышала слабый щелчок у самого уха, затем ощутила ледяное прикосновение к щеке. Стальные когти Чудища...

В этот момент она поняла, что сейчас все будет кончено.

Но внезапно раздавшийся снаружи резкий взвизг шин заставил Зверюгу броситься к окну – девочка услышала, как дрогнуло стекло, когда Зверюга прижался к нему лбом.

Снаружи донесся какой-то шум. Может быть, это папа наконец приехал ее забрать?..

Глава 3

Взвизгнув шинами, «пежо-306» остановился.

– О господи, Виго!.. Что это?

Виго ответил не сразу. Он как будто обмяк под своей паркой. Затем дрожащей рукой включил фары и посмотрел в зеркальце заднего вида:

– Даже не знаю... Похоже... какое-то животное...

Сильвен Куттёр вцепился в его запястье.

– Нет, не животное! Животное машина отбросила бы вперед или размазала по дороге. А это... разбило фару, заслонило капот, ветровое стекло. Сдай назад!

Виго сжал челюсти. Все физические реакции его организма – пот, пересохшая гортань, вздыбленные волоски на руках, напряженные мускулы – с непреклонной, чисто химической точностью свидетельствовали о том, чего не отваживался признать рассудок: существо с удлинненными конечностями, этот футляр из плоти, заполненный разнообразными органами, этот банк крови – был человеком, которого они сбили среди ночи, в темной пустоте, заполненной гулом ветряков.

Бесформенная груда неподвижно лежала на дороге, слабо освещенная задними фарами машины.

– Сходи посмотри, – отрывисто сказал Виго.

– Надо вызвать «скорую»!

– Сходи посмотри сначала! И поживей, черт возьми!

Сильвен повиновался. Ветряки гудели, как множество работающих одновременно моторов, холодный ветер хлестал по лицу. Позади на асфальте виднелись расплывчатые очертания неподвижной фигуры. Человек... в черном пальто... с разmozженной головой, вокруг которой в свете фар поблескивала темная лужа крови.

Закусив губы, Сильвен приблизился к человеку и перевернул его на спину. Лицо представляло собой один сплошной кровавый сгусток. Глаза неподвижно смотрели в пустоту. Ноги были изогнуты под неестественным углом.

– Ви... Виго! Иди сюда! По-моему, этот тип... мертв! Мертв, мать его!..

Виго машинально выключил фары – инстинкт самосохранения, несмотря ни на что, все же вступил в свои права, – взял карманный фонарик и вышел из машины. Большим и указательным пальцами левой руки он нервно потер шею,

чтобы горло, сведенное судорогой, могло пропустить больше воздуха.

- Черт!.. Ну не может такого быть!..

- Виго! Нужно вызвать копов!

Виго пощупал у человека сонную артерию, проверил пульс, затем приложил ухо к его груди. Ни звука, кроме тех, что производило его собственное воображение: вой полицейских сирен и лязг наручников.

Затем он резко поднялся и огляделся по сторонам. Гудящие ветряки, заброшенный склад... Дальше – темнота, в которой едва различимо поблескивали далекие огоньки. Безгласная ночь. Ни одного свидетеля. Достаточно просто нажать на педаль акселератора – и весь этот кошмар останется позади...

- Подожди! Нужно рассмотреть все варианты...

- Какие еще варианты? Этот человек уже труп! Надо позвонить в полицию! Дай мне мобильник!

Виго подошел к спортивной сумке, валявшейся метрах в двух от неподвижного тела. Когда он расстегнул на ней молнию и заглянул внутрь, язык у него буквально прилип к гортани.

Деньги! Сумка была набита пачками банкнот!

Теперь у него не осталось никаких сомнений. Нервные сигналы мгновенно передались в мозг от кончиков дрожащих пальцев, тот отдал столь же мгновенный обратный приказ – и большой палец автоматически нажал на кнопку фонарика. Фонарик погас.

- Зачем ты его погасил? Включи сейчас же этот гребаный фонарь!

- Здесь, в сумке... что-то вроде кинжала и...

- Что?

- Деньги! Куча денег! Купюры по сто евро!

Все происходило слишком быстро, и Сильвен, не успевая осознавать новую информацию, продолжал цепляться за свою прежнюю мысль:

- Эту сумку надо передать полиции... нужно позвонить...

- Да ты сам подумай - мы выпили по четыре банки пива! Ехали с выключенными фарами! Со скоростью сто километров, а здесь ограничение пятьдесят! Копы проверят тормозной путь и все поймут! Мой брат работает в полиции, в криминалистическом отделе, поэтому я в курсе, черт!.. Если мы вызовем копов, то проведем остаток жизни за решеткой! Как тебе такой расклад?

- Но... мы не должны уезжать! Я на это не пойду, слышишь?

Даже заметная разница в комплекции - при одинаковом росте вес Виго был всего шестьдесят шесть килограммов против девяноста семи Сильвена - не помешала программисту энергично встряхнуть своего приятеля.

- Ты так говоришь потому, что это не ты был за рулем! А давай скажем, что это был ты! Согласен?

Оба вцепились друг другу в воротники. Натянутые нервы против грубой силы. Сильвену удалось завладеть мобильником и толкнуть Виго, отчего тот упал на землю.

- Сильвен! Я тебя прошу! Не звони им! Они посадят нас обоих в тюрьму!

Действовать! Спасать свою шкуру! Любой ценой! Вскочив на ноги, Виго бросился к машине, рухнул на пассажирское переднее сиденье, захлопнул дверцу, затаил дыхание и изо всех сил ударился правой надбровной дугой о лобовое стекло. Оно задрожало.

Сильвен устремился за ним.

- Да ты спятил!

Виго помассировал место ушиба. Под кожей уже набухал кровоподтек.

– Больно! Вот так... оно и было... ай!.. – ты резко затормозил, и я ударился лбом о стекло! Если приедут копы, они решат, что за рулем сидел ты.

– Ах ты сво...

Виго вырвал телефон у него из рук:

– Я пытаюсь нас обоих защитить, ты что, не понимаешь? Никто не знает, что мы были здесь, за сто километров от того места, где живем! На самом деле мы... ну, скажем, играли в шахматы в интернете. О том, что мы расписывали стены, никто никогда не узнает. Так что хватаем деньги и избавляемся от трупа!

Сильвен вытер лоб тыльной стороной ладони.

– Я... я не могу. Ты псих! Абсолютный псих!

– Пошли! Поможешь мне его перенести! Подумай о своей жене, о своей дочери! Они тебя ждут. Ты пока еще можешь вернуться к ним свободным человеком! Потом будет поздно!

Перед Сильвеном промелькнули ужасные видения: вереница мужчин в темно-зеленых комбинезонах, прогулки во дворе под наблюдением охранников на сторожевых вышках, голые тела в общей душевой...

Нет! Избавиться от этого кошмара как можно скорей! Раствориться в тумане, стелющемся над влажным асфальтом...

– Я... я бы тебе помог, но... не хочу, чтобы его кровь была у меня на руках. Оставим его здесь...

– Да ты что! На его одежде могли остаться наши отпечатки пальцев! Это как тебе? А осколки фары, а следы шин? Если мы оставим его здесь, завтра к нам нагрянут копы со всей округи! С этими их хитрыми технологиями достаточно одного волоска, одной капельки пота, чтобы получить о тебе всю генетическую информацию! А не будет тела – не будет и расследования. Достаточно просто

утопить его в болотах Сент-Омера!

Сильвен обеими руками вцепился в свои темные волосы. Перед глазами у него все закружилось, словно он попал в центрифугу.

– Сорок километров с мертвецом в багажнике!.. Прекрати этот бред! Тут и так кругом вода... Его можно выбросить... ну хотя бы в залив.

– Нет! Риск нужно свести к минимуму. Если кто-то заявит о его исчезновении, водолазы обшарят все дно в заливе и наверняка его найдут. Тогда нам крышка. Слушай, мы же ездили по этой дороге тысячу раз! После семи вечера тут ни одного копа! Тут ведь полное захолустье! Доедем до болот, избавимся от этого... бандита – и деньги наши! Ты только подумай! Только представь себе, какое нас ждет будущее – с таким богатством! Это же просто рука Провидения! Такой шанс!.. Конец всем анкетам, собеседованиям, затягиванию поясов! Подумай об этом!

Сильвен слушал его в полном оцепенении. Тлетворное присутствие денег полностью нарушало логический ход событий. В конце концов, зачем умышленно приносить самого себя в жертву? Копам ведь наплевать на твое душевное состояние... Виго прав: покорно смириться с судьбой – это ошибка.

Все, хватит размышлений. Нужно действовать во имя собственного блага. Бежать.

– Другого выхода нет... У меня семья, которую я люблю больше всего на свете... Я... я не хочу смотреть, как растет моя дочь, из-за решетки...

– В таком случае поспешим!

Виго склонился над телом:

– У него лоб разбит до крови. Надо надеть ему на голову пакет.

Несчастный случай трансформировался в преступление. Сообщники уложили в багажник труп с пакетом на голове и сумку с деньгами.

Вокруг по-прежнему не было никого. Ни одной машины, ни единого проблеска света. Вдруг Сильвен вздрогнул – до его ушей донесся какой-то непонятный звук.

– Ты... ты слышал?

– Что?

Сильвен указал на кубическое здание, обитое листовым железом:

– Кажется... я слышал металлический лязг. Вон оттуда.

Виго провел лучом фонарика по окнам склада, стоявшего примерно в полутора десятках метров от дороги, в зарослях высокой травы. Выбитые стекла, расхлябанные ставни...

– Не болтай ерунду. Эта развалюха уже сто лет как заброшена, и скоро от нее вообще ничего не останется... Тебе померещилось из-за ветряков. Давай залезай в машину! Я сейчас подойду.

Быстро осмотрев асфальт вокруг машины, Виго подобрал осколки разбитой фары, затем вытер тряпкой кровь убитого, слегка поморщился при виде помятого капота и наконец сел за руль.

Автомобиль растворился в ночи.

Какое-то время Виго молчал, подыскивая нужные слова, затем произнес:

– Я недавно грозил тебе рассказать копам, что это ты был за рулем... так вот, я не собирался этого делать. Я просто решил уберечь тебя от такой глупости... потому что подумал о твоей семье...

Не отвечая, Сильвен отвернулся к окну и машинально сжал в руке медальон с фотографией жены. Отблески света мелькали на металлических лопастях ветряков, высящихся по сторонам дороги, словно часовые – молчаливые свидетели только что свершившегося гнусного преступления.

Глава 4

Вой сирен. Синие всполохи света, пронзающие темноту. Полиция. Защелкнутые на запястьях наручники...

Безумие, как и зло, полностью захватывает разум тех, кто рискнул отдать себя ему во власть, и искажает реальность до такой степени, что она превращается в параноидальный бред. Ты начинаешь воображать себе людей, тайком наблюдающих за тобой из окон и наверняка подозревающих, что в твоём багажнике спрятан труп... Ты думаешь, что водители попадающихся навстречу машин наверняка запомнят твой номер. Каждый метр каждого километра становится для тебя очередным шагом крестного пути. Повсюду тебе мерещится полицейский – за каждым поворотом, в чаще леса или в открытом поле, – хотя вокруг нет ничего, кроме холода, темноты и безмолвия.

По обе стороны дороги под густым пологом листвы тянулись длинные языки болот Клермаре, заросших кувшинками. Городки, пересеченные артериями узких протоков с мутной стоячей водой, делали окрестности похожими на штат Луизиана в европейском варианте. Обычно при виде этих болот Виго вспоминал, как в детстве охотился здесь на лягушек. Но в эту ночь одному из болот предстояло стать безымянной могилой.

Асфальтированная дорога довольно скоро сменилась проселочной. Появилось ощущение, что «пежо» оказался в зловещей глубинке из какого-то фильма ужасов. Глядя на деревья, напоминающие обтянутые корой скелеты, Сильвен вспомнил «Техасскую резню бензопилой».

Наконец, когда редкие огни окончательно остались позади, оба безработных программиста вышли из машины, захлопнули дверцы и направились к багажнику.

– Земля насквозь промерзла, никаких следов не останется, – прошептал Виго. – И луны нет... Отлично, все в нашу пользу. Оттащим его на пару сотен метров и бросим в болото. Возьми пустую канистру.

– Не видно ни хрена... И вообще стремно! Ты уверен, что...

- Самое страшное уже позади. Давай, пошли!

Фонарик осветил заросли ольхи и болотной осоки. Сильвен потянул труп за лодыжки, Виго – за запястья. Левая нога болталась в мертвом сочленении, словно радуясь, что наконец-то вырвалась на свободу.

«Как Барбапапа[1 - Барбапапа – забавное бесформенное существо, персонаж детского мультсериала, снятого по книгам Аннет Тизон и Таласа Тэйлора.], – подумал Сильвен. – Просто представь себе, что несешь Барбапапу...»

- Мускулы уже совсем застыли... – наконец произнес он с единственной целью нарушить гнетущее молчание.

- Трупное окоченение началось. Скоро он будет податливый как кукла и жесткий как деревяшка...

- Я... никак не могу избавиться от его взгляда. Такое ощущение, что он постоянно смотрит мне прямо в глаза – даже когда я отворачиваюсь. И в его глазах – Смерть... Теперь я знаю, на что она похожа... Боюсь, с этой ночи я уже никогда не засну спокойно...

- Не забывай, что речь идет о несчастном случае. О стечении обстоятельств, которые... Ну сам подумай – как можно было действовать иначе? Вот представь себе – коп звонит твоей жене и сообщает, что ты сбил человека! Что ты уже не вернешься домой!

- О нет...

Перед ними распахнулась смрадная пасть очередного болота.

- Я могу с этим справиться и один, – сжалился Виго. – Ты не обязан...

- Нет, я останусь... Я хочу убедиться, что наша тайна уйдет вместе с ним.

В этом месте не чувствовалось ни одного живого веяния – не было ни растений, ни животных. Только удушливое ощущение мертвечины...

– Надо проверить его бумажник... найти какое-то удостоверение личности. Он заслуживает хотя бы этого...

Виго сунул руку под куртку покойного.

– Чего ради? Нет имени – нет человека. Так легче будет справиться с этой ношей. Чужое лицо стирается из памяти гораздо быстрее, чем имя. Я возьму его документы и сожгу их, когда вернусь домой. Наполни водой канистру... И сорви камыш... Большинство людей, погибших насильственной смертью и брошенных в воду, всплывают: женщины лицом вниз, мужчины – вверх, из-за так называемого первичного горлового спазма. Надгортанный хрящ – своего рода клапан – закрывается с последним вдохом и не пропускает воду в легкие. Чтобы тело не всплыло, нужно открыть этот проход и залить воду в дыхательные пути.

Про себя Виго не устает благодарить своего брата за науку (Станислав Новак работал в лаборатории судмедэкспертизы города Лилля). Он разорвал пластиковый мешок на голове трупа, обнажив губы и подбородок, покрытые ссадинами в капельках запекшейся крови. Сильвен отвернулся и отошел.

– Извини... я не могу.

– Ничего, сам справлюсь...

Вцепившись обеими руками в застывшие челюсти трупа, Виго с трудом их разомкнул. Хрустнули кости. Виго просунул стебель камыша в горло мертвецу.

– Это для того, чтобы приподнять надгортанник и открыть дыхательные пути. Теперь вода пройдет в легкие.

– На хрена мне твои объяснения! Можно подумать, ты потрошишь форель! Давай быстрее покончим с этим!

Какая-то болотная тварь прошелестела крыльями в воздухе. У Сильвена поджилки тряслись от страха. Как напарнику удастся сохранять такое хладнокровие и такую собранность в этой жуткой обстановке?..

Виго лил болотную воду в горло мертвеца до тех пор, пока она не полилась обратно – более семи литров перешло из канистры внутрь безжизненного тела.

– Готово! Тело очень быстро разложится в воде. Причем полностью, как если бы мы его кремировали. Через пару месяцев его можно будет идентифицировать разве что по тесту ДНК или по зубам.

Виго вытер руки о джинсы – жест иллюзорного очищения, отпущения грехов...

– А теперь забросим его в воду как можно дальше. Бери его за ноги, я – за руки. Считаю до трех...

Тело ударилось о воду, и в следующий миг по поверхности начали медленно расходиться круги. Мертвец скрылся в бездонной глубине, унося с собой тайну, скрепленную страхом, отвращением... деньгами...

Последние пузырьки воздуха разбились о поверхность. Болото будто подмигнуло им на прощание, посылая последнее прости... Больше ничего.

Машина поехала обратно, к поблескивающим сквозь темноту огням шоссе.

Уголки губ Виго свела жалкая судорога, когда он попытался выдавить из себя улыбку.

– Бабки! Все бабки наши, Сильвен! Можешь себе представить?

– Пока не могу...

– Слушай хорошенько, что я тебе скажу. Мы не должны сразу их трогать. Надо подождать, пока все успокоится, пока у нас у самих прояснится в голове. Твоя жена не должна ничего знать. Ни единого слова, ни единого намека, ничего, что могло бы вызвать у нее подозрения!

Сильвен провел рукой по лицу, словно пытаясь стянуть маску ужаса.

– Думаешь, мне хочется, чтобы она узнала?

- Надо просто действовать логично. Согласен?

Сильвен машинально кивнул.

- Не меняй ничего в своих привычках. Продолжай искать работу. У меня завтра очередное собеседование, и я явлюсь на него как ни в чем не бывало. Мы с тобой не ездили в Дюнкерк этой ночью. Мы были у меня, играли в шахматы по интернету, как всегда по вечерам в четверг.

- А помятый капот, разбитая фара?

- Купишь фару в магазине автозапчастей и сам ее поставишь. Заплатишь наличными. Знаешь какого-нибудь механика, который сможет выправить капот? Только не в автосервисе, а у себя в гараже.

- Да, в одной мастерской в Лансе. Я там часто бываю.

- На первый взгляд капот вроде не сильно покорезен... Пожалуй, его удастся отремонтировать без проблем. Придумать какое-то объяснение для жены ты и сам сможешь. Но в любом случае ни за что не звони в страховую компанию!

- А деньги?

- Я подержу их пока у себя дома, на чердаке. Никакого рис...

- Еще чего! Почему это я не могу хранить свою часть у себя?

- Потому что на них может наткнуться твоя жена! А я живу один! Никто не будет рыться у меня на чердаке!

- В таком случае не будем их прятать ни у тебя, ни у меня. У меня есть одна идея... Да, и еще, я хотел бы пересчитать эти деньги вместе с тобой...

- Мы должны доверять друг другу! А ты так говоришь, как будто мы вчера познакомились!..

– Не в этом дело, просто... Я не хочу, чтобы оказалось, что мы напрасно все это сделали... Тот тип, в болоте...

Он сделал неуверенный жест, словно ощупывая перед собой воздух.

– Мы должны будем уничтожить эти деньги, если дело примет скверный оборот... Обещай мне, что, если копы нападут на след, мы сожжем все деньги до последней купюры! Я, со своей стороны, тебе гарантирую, что так и сделаю – с твоего согласия или без него!

Виго сделал над собой усилие, чтобы ответить убедительным тоном:

– Хорошо, клянусь тебе: даже при малейшей угрозе разоблачения мы уничтожаем все улики. Но я уверен, у нас не будет никаких проблем. Мы все сделали... безукоризненно.

– Как ты можешь такое говорить?!

– Но послушай, это ведь не было преднамеренным убийством! Никаких мотивов преступления, ни одного свидетеля! Даже трупа нет!

Виго схватил Сильвена за левое запястье:

– Ты даже не представляешь, сколько я об этом мечтал! О деньгах, свалившихся с неба! Почему я был так уверен, что когда-нибудь это случится на самом деле, а? Почему? Еще немного – и мы уже никогда не будем ничьими рабами!

Все мысли Сильвена словно заволкло туманом. Лишь одно-единственное слово регулярно вспыхивало в его мозгу, словно неоновая вывеска:

Преступники.

Глава 5

Три часа утра. Слабый свет, уже просачивающийся в гостиную загородного дома... Дрожащее мерцание телеэкрана, тихое бормотание из параллельного мира мечты... И облачка пара, вылетающие изо рта с каждым выдохом...

«Котел неисправен», – вспомнил Сильвен, кусая губы.

Целый водопад белокурых волос струился из-под пледа – Натали дремала на диване перед телевизором в позе эмбриона, которую, очевидно, приняла рефлекторно, чтобы согреться. Сильвен выключил телевизор, бережно погладил жену по щеке и направился в комнату Элоизы. Девочка спала. Ее хорошенькую мордашку освещали мягкие всполохи огня в печке.

Лицо молодого отца то и дело омрачала тревога. С этой ночи семейная идиллия в любой момент может обратиться в прах. Возможно, уже завтра сюда явятся полицейские, схватят его, приставят к виску пистолет... И уведут в тюрьму, навечно разлучив с двумя самыми дорогими ему существами.

Подземная душа Чудища клокотала от напряжения, от столкновений невидимых, но мощных стихийных сил. Взрыв сотряс все его существо до такой степени, что оторвал его от земли и вознес к небесам. Теперь Чудище чувствовало себя хорошо, очень хорошо. Лучше, чем когда-либо.словно какой-то гигантский пузырь, поднимавшийся из бездонных болотных глубин, наконец достиг поверхности и лопнул.

Чудище притормозило у светофора, замороженно смакуя недавнее ощущение хрупкого пульсирующего горла под своими пальцами, вырвавшими из него жизнь, вспоминая предсмертный хрип своей жертвы...

В красноватом свете оно смотрело на свои руки, на скрюченные фаланги пальцев, сожженных почти до костей. К нему вернулись привычные мысли: о ежедневной мучительной боли от разъедающих кожу кислот, о потрескивании электропилы, рассекающей плоть... о птицах, которые пытаются взлететь, снова и снова... об обезьяне, скорчившейся высоко на дереве... о волчице, угрожающе оскалившей клыки...

Повседневность, которую так нелегко выносить, проживать, терпеть день за днем...

Зверюга встряхнул головой. Загорелся желтый свет, потом снова красный. В зеркальце заднего вида никого не видно. Город спал. Когда зажегся зеленый свет, Зверюга осторожно тронулся с места, выехал на департаментское шоссе и покинул металлический город.

Теперь он думал только об одном: повторить это снова...

– Этот котел, дорогой... – пробормотала Натали Куттёр, все еще полусонная. – На сей раз окончательно сломался... И надо же было этому случиться, как раз когда похолодало! Вот невезенье... Такое чувство, что живешь в холодильнике...

Она еще плотнее закуталась в плед, затем прильнула к мужу. Слушая редкие размеренные удары ее сердца, Сильвен ощущал исходящую от нее любовь – от этого невидимого излучения у него буквально выступали слезы на глазах.

– Я вчера звонила Виго на мобильный, чтобы попросить тебя пораньше вернуться, но он не отвечал... только автоответчик...

– Может, Виго его выключил... Ты знаешь, когда играешь в шахматы...

Ложь готова была прокрасться в его слова, словно ядовитая змея в цветущий сад. Сильвен сжал челюсти и тут же вспомнил хрустнувшие челюсти трупа, просунутый между ними стебель камыша... темную массу, погружающуюся в болото...

– Я сегодня же позвоню в службу газа, – объявил Сильвен. Он встал и принялся расхаживать по гостиной. – Так больше не может продолжаться. Даже если придется заменить этот чертов котел – пусть меняют!

– Я попрошу денег у родителей. В этот раз мы должны принять их помощь. Слишком много всего на нас свалилось одновременно... Финансовая пропасть у нас под ногами растет на глазах...

Сильвен стиснул кулаки. Плох тот лев, который проглатывает свою гордость... Если он уступит, его сочтут несостоятельным человеком, неспособным зарабатывать деньги и содержать семью, обычным пустозвоном...

Все мускулы его тела напряглись. У них с Виго было два миллиона евро на двоих. Сильвен почти воочию видел перед собой длинную цепь нулей, ощущал чуть шероховатую поверхность новеньких, вкусно пахнущих банкнот. Целая вечность тяжкого труда сконцентрировалась внутри синей спортивной сумки.

Чувствуя себя нуворишем, он осторожно прижал палец к губам жены.

– Тсс... Не говори ничего своим родителям. У нас сейчас просто трудный период. Но я убежден, что очень скоро удача нам улыбнется.

– «Трудный период»? Мы уже три месяца еле сводим концы с концами! Малейшая непредвиденная трата – и семейный бюджет трещит по швам! Как ты думаешь, сколько мы сможем продержаться на мою преподавательскую зарплату и твое пособие по безработице? А нам ведь еще целых двадцать пять лет выплачивать ссуду за дом!..

Сильвен схватил жену за запястье и развернул к себе. Он с трудом подавил желание сейчас же отвести ее к Виго и показать невероятное богатство, спрятанное в спортивной сумке, – этот зеленый дурман...

– Ты должна мне доверять! Мы с Виго постоянно просматриваем вакансии в интернете. Сейчас сфера информатики понемногу оживает, появляются новые вакансии – в том числе в Лилле... Нам приходит все больше приглашений на собеседование... Не говори ничего родителям, хорошо?.. Мы можем пользоваться угольной печкой – до тех пор, пока все не наладится...

– Она тоже неисправна. У нее труба треснула. Опасно ее использовать. И потом, это нас не спасет. Как мертвому припарки. Так проблемы не решаются!

– Послушай, завтра сочельник и день рождения дочки... Никто и ничто не должно испортить нам праздник! Только не в этот раз!

Натали замерла в объятиях мужа. Найти решение? Какое? Последние два года они лишь с огромным трудом могли выплачивать ссуду, полученную ими на покупку дома своей мечты, расположенного в сельской местности недалеко от Ланса. Это был дом в традиционном деревенском стиле – с большим садом, множеством хозяйственных пристроек, целым лабиринтом коридоров

и закоулков. В недавние времена интернет-бума компьютерщики еще казались кем-то вроде полубогов... Натали вспоминала Сильвена в кабинете банка, нервно теребящего галстук... «Страховка по безработице? Да вы хоть представляете, кем я работаю? Информатика – это всё, это ваши компьютеры, ваши сейфы... И она еще только начинает развиваться! Если я останусь без работы – Земля остановится!...»

Но любой бум всегда заканчивается спадом. На сегодняшний день во всем мире буквально каждый час закрывалось очередное стартап-предприятие.

Французские индустриальные гиганты, стремясь минимизировать убытки, сокращали региональные филиалы и сосредоточивали всю свою деятельность в Париже. «Эр Литораль», «Алкатель», «Франс Телеком»... А тайваньцы, которые еще вчера шили подделки под одежду от известных фирм, сегодня клепали компьютерные программы – за гораздо меньшие деньги, чем европейцы.

И что мы имеем на данный момент? Ежемесячные выплаты по кредиту в тысячу четыреста евро – две трети семейного бюджета... При том, что нужно погасить еще шестьдесят шесть процентов ссуды.

Сильвен с трудом подавил рыдание. Все его благополучие, спокойствие, уверенность в завтрашнем дне словно в один миг смело ураганом, и, несмотря на все свои способности, он превратился в одного из тех беспомощных баранов, из которых по большей части и состоит современное общество.

Конец обеспеченной жизни...

И что ни делай, какие усилия ни предпринимай – в конечном счете только деньги все решают.

В эту ночь сон так и не пришел к Сильвену. В голове теснились мечты о бегстве от реальности – он представлял себе ярко-синее море, красное солнце, белый песок...

Через несколько дней сладостный шорох банкнот окончательно сотрет из памяти лицо неведомого мертвеца. Эта рана затянется так же быстро, как и открылась...

Сильвен был в этом уверен.

Внимательно следя за самым слабым проблеском света, Чудище миновало широкие открытые пространства сельских полей и скрылось под угрожающе нависшим покровом листвы.

Начался лес, густой и абсолютно темный.

Чудище почти сразу догадалось, что произошло недавно в самом центре промышленной зоны. Сверхнапряжение, вызванное последними событиями, резко изменившими его привычное существование, заставило прорваться чудовищные гнойники, которые до той поры зрели в самой глубине его больного сознания.

Всю эту боль, эту ненависть, это страдание. Эту неудовлетворенную страсть.

Два типа на «пежо-306» всего лишь катализировали то, что дремало в бессознательном.

Вопль, в котором смешались торжествующий инстинкт и звериная радость, едва не взорвал своды его укрытия.

На какое-то время Зверюга даже забыл о деньгах – хотя и рассчитывал быстро их вернуть. Все бывшие ценности рухнули в один миг. Внезапно он понял истинную причину, заставившую его совершить последнюю часть своей работы.

Не деньги. Не желание поработить. Не любовь.

Немыслимое.

Машина въехала в ангар с расшатанными балками и проржавевшей крышей. Сюда, в это место, полностью отрезанное от мира, не отважился бы проникнуть ни один безумец. Мотор стих. От тени машины на стене отделился темный силуэт – Чудище вышло и направилось в дом довоенной постройки, примыкающий к ангару. Оно шло по подземному лабиринту – череде сводчатых сырых помещений, часть из которых была его мастерскими. Воистину адские кузницы...

Тень приблизилась к печке и разожгла огонь. Голодные дьявольские языки голубоватого пламени начали свой жуткий танец, выхватывая из темноты загадочные лица старинных кукол от «Бьюти Итон» или «Хелен Киш». Их гладкие целлулоидные щеки розовели, но глаза, казалось, не выражали ничего, кроме ужаса.

Чудище направилось в глубину комнаты, в густую тьму, где были свалены в беспорядке маски из латекса, челюсти, лишённые зубов, пробитые черепа. Отперев дверцу в стене, оно спустилось по винтовой лестнице и свернуло в очередной туннель, по обе стороны которого тянулись двери с висячими замками.

За ними слышались непрерывные скребущие звуки... Зверушки проголодались. Чудище слегка приоткрыло дверь. Маленькие лапки высунулись в проем и с жадностью схватили гнилые листья салата, протянутые Чудищем. Из-за стены доносился отчаянный вой, всегда один и тот же, – в нем смешались гнев, страх, ярость... Пора снова все запереть...

Чудище направилось в другую часть подвала. То и дело оно удовлетворенно проводило языком по губам. В углу лежал старый продранный матрас, весь пропитанный сыростью. Но следующей жертве предстояло прожить недолго, так что она не будет слишком страдать от отсутствия комфорта...

Это подземное сводчатое помещение подходило как нельзя лучше. Оставалось лишь снять ручку с внутренней стороны двери: ведь очередная рабочая заготовка первым делом попытается сбежать... Ну разумеется...

Наконец Зверюга заперся в своей подземной мастерской, и до рассвета было слышно гудение электроинструментов. Нужно практиковаться, совершенствоваться, изо дня в день...

Ночь в лесной глуши была ужасной. Куда ужаснее, чем могло бы измыслить самое больное, извращенное воображение...

Настоящий кошмар. Миссия почти невыполнимая. Работать по двадцать часов подряд на протяжении двух месяцев...

Стоя перед центральным полицейским комиссариатом Дюнкерка, сержант Люси Энебель машинально подняла глаза к небу, перед тем как начать подниматься по ступенькам. С утра шел снег. Но для нее никакого Рождества в этом году не будет. Лишь бесконечное ночное дежурство, в то время как все счастливики празднуют. Ни один из младших полицейских не избегал этой повинности. Но по какому праву ее, молодую мамашу, лишили возможности отпраздновать первое Рождество с детьми?!

Люси расстегнула длинную зимнюю куртку и скрылась за дверью здания на набережной Голландцев. Последовал короткий обмен приветствиями с юным дежурным на входе и двумя-тремя коллегами из полиции нравов. В пустынных коридорах царил угнетающая тишина, как после ядерного взрыва. Большая часть сотрудников отсутствовала по случаю близящегося праздника, кто-то был в отпуске, кто-то – на задании. У регистрационной стойки, где принимались заявления от потерпевших, Люси заметила посетительницу – юную, в облегающих брюках, накрашенную сверх всякой меры. Дойдя до своего этажа, где располагался уголовный отдел, Люси стянула вязаную шапочку, высвободив каскад спутанных светлых волос (тщательно причесаться не хватило времени). Отопление здесь работало на полную мощность, и ее впалые щеки бледного, почти мертвенного оттенка слегка порозовели.

Она уселась за свой компьютер напротив пустующего стула коллеги, который сейчас был в отпуске.

Привет, стульчик! Как дела? У меня? Да так, слегка подыхаю. Хреновые дела, если честно.

Новорожденные близняшки как будто соревновались между собой в изобретательности – как бы не позволить мамочке сомкнуть глаз ни на минуту, не дать ей даже короткого отдыха, необходимого для выживания. Такие нарушения сна, по словам педиатра, могли продолжаться до года. Это стало настоящей пыткой. Люси была обречена спать днем, урывками, чтобы полностью посвящать ночи близняшкам, чья энергия, независимо от времени суток, была через край.

И мужского плеча, на которое можно было бы опереться, рядом не оказалось.

После возвращения на работу неделю назад ее постоянно преследовал вопрос, словно написанный огромными огненными буквами перед ее внутренним взором (впрочем, этот вопрос не давал ей покоя уже сразу после родов): как теперь все успевать?! Как найти время и на близняшек, и на дом, и на работу? И на отдых, между прочим? Как, наконец, успевать хоть немного заниматься собой – делать макияж, совершать пробежки, чтобы сбросить лишние килограммы?..

Как угнаться за этой призрачной мечтой?

Люси углубилась в информационные сводки, и тут в кабинете появился лейтенант Пьер Норман. Сумрачное лицо, рыжеватые волосы, свешивающиеся на лоб, очень бледная, желтоватого оттенка кожа с въевшимися крупинками пороха, – не красавец, но есть в нем что-то гипнотическое, интригующее. Особенно в больших светло-голубых глазах, в которых мерцал отблеск какой-то неуловимой тайны.

Его блестящие результаты на общенациональном конкурсе «Лучший лейтенант полиции» распахнули перед ним двери РССП[2 - Региональная служба судебной полиции.] Версаля, но он отказался от этой возможности и остался здесь, в северной глубинке. Он слишком привык к запаху постоянно влажной брусчатки, согнутым силуэтам подозреваемых на пороге своего кабинета и регулярным облавам на посредников-наркоторговцев, постоянно курсирующих между Англией, Голландией и Францией. Почти идеальное повседневное существование для полицейского, который не любит сидеть без дела.

– Я узнал, что у тебя сегодня ночное дежурство, – сообщил он. – Мои соболезнования.

– Ну, одной овцой можно пожертвовать ради блага всего остального стада...

Норман положил широкие костлявые ладони, усеянные веснушками, на край стола и указал подбородком на книгу Пьера Леклера «Пять психотипов».

– Как всегда, читаешь эти книжонки по психологии? И о чем здесь речь – о профайлерах?

– Сейчас в ходу термин «поведенческий аналитик»...

Черные души, омраченные преступными замыслами... адреналин, бурлящий в крови при совершении жестоких преступлений... Книжки вроде «Пяти психотипов» Люси жадно глотала начиная с подросткового возраста, и ко времени первых походов в клубы и первых сигарет вся ее комната была ими завалена.

– Мне бы хотелось оказаться на месте одного из этих специалистов-психологов, – призналась она, поглаживая переплет книжки. – Проникнуть в мысли убийцы, понять его тайные мотивы, обнаружить источник психологической травмы...

– Ну, тебе пока только двадцать девять, так что, если ты и в самом деле хочешь этому научиться, время еще есть.

Люси слабо улыбнулась:

– В этой чертовой стране проще стать президентом, чем психокриминологом!

Норман пожал плечами:

– Под лежащий камень вода не течет. Попытаться в любом случае стоит. Пока готовься к конкурсу «Лучший лейтенант полиции» – если победишь, это будет неплохое начало.

Молодая женщина демонстративно закатила глаза к потолку:

– Какие уж тут конкурсы!.. Мои милые детки высасывают из меня всю энергию. Пока что, кроме них, я не могу ни о чем думать. Разве что попозже... кто знает?

– Ты с ним больше не виделась?

У нее перехватило горло.

– Давай закроем эту тему, ладно? Ты ведь не за этим пришел?

– Нет. На нас тут свалилось одно паршивое дельце... Этой ночью нам позвонила жена профессора Кюнара, известного хирурга-травматолога. Их дочь была похищена четыре дня назад. Но они не стали сразу сообщать в полицию...

Люси поглубже уюстилась на сиденье стула, полностью обратившись в слух.

– В таких случаях никогда не знаешь точно, как лучше поступить, чтобы сохранить ребенку жизнь, – все же заметила она.

– Да, это дело тонкое... Вчера около полуночи Кюнар должен был передать похитителю выкуп – два миллиона евро...

– Ого!..

– Этот тип – светило в своей области. Он живет в Туке и часто оперирует в Англии, в самых известных больницах. Реже – у нас. Его жена занимается куплей-продажей промышленных предприятий. Судя по всему, у нее стальная хватка... Словом, они оба зарабатывают за месяц столько, сколько нам с тобой не заработать за всю жизнь. Так вот, Кюнар не вернулся домой. Исчез бесследно.

– А девочка?

– Найдена убитой на заброшенном складе недалеко от поля с ветряками в Гранд-Синт. Комиссар и капитан Равье уже там, с четырех часов утра.

Люси вздрогнула, невольно подумав о Кларе и Жюльетте. Об их круглых пухлых ротиках, лукавых глазенках... Когда ты даешь жизнь другому существу, с тобой происходит преобразование, в том числе и преобразование сознания: ребенок становится для тебя священным. И, узнавая о матерях, потерявших детей, – даже о незнакомых, – ты невольно ставишь себя на их место, и горло перехватывает, а внутри все сжимается...

– Люси?..

Молодая женщина встряхнула головой, сжала губы. Постоянный недосып сказывался все чаще – срыв мог произойти неожиданно, в любой момент. И никакие витамины тут не помогут. Сколько она еще сможет выдержать

в таком ритме?..

– Я... Да... Извини. Я плохо спала сегодня ночью... это у меня уже почти традиция...

Норман машинально постучал ногтями по монитору. Его длинные сухие пальцы напоминали лапы богомола.

– Вале как раз составляет группу для расследования этого дела и хочет тебя в нее включить. Сейчас многие отдыхают, и он решил сначала выяснить, сколько у него людей под рукой, а потом уже, если понадобится, выдернуть кого-то из отпуска. Что ты об этом думаешь? То есть я, конечно, понимаю – ты у нас молодая мамаша и сейчас не в лучшей форме, так что это для тебя не самая подходящая возможность... Если хочешь, я все улажу.

Люси резко встала:

– Не надо за меня ничего додумывать, ладно? С этой бумажной волокитой день растягивается на неделю! И если в кои-то веки комиссар хочет доверить мне серьезное дело, я не буду отказываться! Хотя сейчас у меня на первом месте другие заботы, я не собираюсь всю жизнь оставаться в тени! Это понятно?

Норман положил руку ей на плечо:

– Я на сто процентов с тобой согласен. А пока у меня небольшая просьба. Одно предприятие прислало нам жалобу – кто-то исписал им все стены похабщиной. Надо поехать туда и оформить протокол. Съездишь со мной?

– Ладно... Кстати, ты ведь и сам вроде собирался в отпуск?

– Да, в Альпы. Послезавтра. Пока все остается в силе.

– «Остается в силе», как же!.. Десять против одного, что ты собираешься его отменить!

Люси отломилла квадратик от плитки шоколада и положила в рот.

– Это просто какая-то мания... началась во время беременности, и я до сих пор не могу от нее избавиться. Не выхожу из дома без плитки шоколада. Хорош полицейский, да? Удостоверение, «беретта» и шоколадка...

– Тебе надо купить пластырь вроде антеникотинового...

Снаружи с неба падали первые декабрьские снежинки – пока еще мелкие и редкие. Первые ноты, возвещающие приход зимы...

Глава 7

Замкнутые в четырех стенах, пятеро кандидатов страдали молча. Они знали, что пытки, которые включает в себя собеседование, изначально не предполагают человеческого отношения.

Семнадцатый этаж офисного небоскреба «Лилль-Европа», крыши французского Севера. Ровно девять часов утра.

Тридцать минут мучительного ожидания в комнате без окон. Хорошее начало.

Пятеро типов в парадных костюмах старательно водили ручками по бумаге. Казалось, слышно, как скрипят их мозги. Каждому предстояло ответить на сто двадцать шесть вопросов неумолимого теста PAPI[3 - Personality and Preference Inventory (англ.) – Оценка личности и наклонностей.] – альфы и омеги кадровых служб.

Одним из пяти был Виго Новак, на бледном лице которого явственно читались все признаки бессонной ночи. Утренний душ не слишком помог – ни кровоподтек над бровью, ни круги под глазами не стали менее заметны. Черные волосы, зачесанные назад, сильнее обычного контрастировали с матово-бледной кожей, лоб изрезали морщины, из-за усталости последних дней ставшие глубже и многочисленнее. Для человека, явившегося на собеседование по поводу работы, он выглядел явно не лучшим образом. И однако, его переполняло ликование.

За двадцать минут ему удалось ответить лишь на треть вопросов. Но как было сосредоточиться после такого неожиданного поворота судьбы?.. Деньги, спрятанные в угольном сарае, занимали все его мысли. Шорох перебираемых банкнот постоянно преследовал его, действуя подобно скрытому вирусу. И к счастью, вакцины против этого вируса не существовало.

По пути в Лилль он настроился на «Франс Блэ Нор», чтобы послушать местные новости. Но там ничего не говорилось ни об исписанных стенах, ни о несчастном случае на дороге, ни о чьем-либо исчезновении. Ну что ж, хороший знак.

Виго машинально покусал ручку и наугад поставил галочку в очередном вопросе теста – просто чтобы выполнить формальность, попытаться счастья, поймать волну прихотливой синусоиды судьбы.

Напротив него тарацились в свои листки еще четверо безработных бедолаг. Они прибыли сюда в надежде на счастливое будущее, на лучшие деньки. Они были готовы лизать сапоги работодателям, лишь бы прокормить свою семью. Но Виго сегодня мог позволить себе плевать на эти сапоги.

Он слегка ослабил узел галстука – ему стало жарко. Но причиной тому была не тревога, а с трудом сдерживаемая радость, готовая прорваться наружу, – ему хотелось вопить во все горло, прыгать, валяться нагишом в снегу... Что он здесь делает, в этом человеческом муравейнике, зачем ему эта дурацкая вакансия, которая не стоит того, чтобы ради нее ударить палец о палец? Сколько бишь они обещали – тридцать пять тысяч евро в год?.. Плюнуть и растереть! У него в сумке денег хватит на всю жизнь! Даже на несколько жизней – счастливых и беззаботных.

Как он мог даже на минуту заставить себя по-прежнему изображать раба?

Виго уже собирался свалить, когда появился какой-то тип с улыбкой, похожей на оскал черепа, собрал листки с тестами и пригласил его следовать за собой. Лысый тип в очках – должно быть, потерял все волосы от постоянных стрессов на служебных совещаниях. Еще бы – не первый год в этой адской машине по перемалыванию людей... Однако логика и стремление выглядеть как ни в чем не бывало подсказывали молодому программисту, что сейчас лучше повиноваться.

Комната номер 12. Просторный кабинет, интерьер абсолютно безжизненный, как в морге... Ни единой бумажки на столе. Даже корзины для бумаг и те пустые. Шариковые ручки в колпачках. Иллюзия делового преуспевания...

Менеджер по персоналу пригласил Виго сесть и на несколько мгновений задержал взгляд на огромном синяке, украшавшем его надбровье. Затем бесстрастно произнес:

– Одну минуту, я сейчас вернусь. Мне нужно загрузить результаты вашего теста в компьютер.

У Виго появилось ощущение, что менеджер вернулся даже раньше, чем вышел, – такова магия вечно спешащих людей.

– Ваши результаты довольно впечатляющи, – сообщил он. – Но теперь докажите мне, что я должен выбрать именно вас из двадцати претендентов, чьи кандидатуры на эту должность мы рассматриваем.

Слегка позабавленный таким поворотом дела, Виго положил перед ним свое резюме и диплом. Но яйцеголовый сделал протестующий жест:

– Плохое начало, месье Новак! Вы показываете мне свое резюме – можно подумать, вы не можете вспомнить все этапы своей карьеры самостоятельно!

Немного поколебавшись, Виго выполнил косвенное распоряжение собеседника. Он ведь сам недавно говорил Сильвену: деньги ни в коем случае не должны повлиять на наши устоявшиеся привычки. Однако он чувствовал, как внутри у него бушуют потоки раскаленной лавы, которая в любой момент грозит выплеснуться на лысый череп работодателя.

Преувеличенно глубоко вздохнув, он вывалил целый ворох сведений, где правда мешалась с ложью, сопроводив все это дежурными фразами о персональной мотивации, стремлении к успеху, желании сделать карьеру... Три основных достоинства, три основных недостатка... Пройдя через множество подобных интервью, он стал настоящим специалистом в этом словоблудии.

– Интересно, месье Новак. Какие у вас перспективы, на ваш взгляд? Каким вы видите себя через десять лет?

Ля-ля-ля... Каким я себя вижу? Богатым, идиот!

Виго и на сей раз дал привычный шаблонный ответ, кажется понравившийся этому роботу – тот улыбнулся, обнажив два ряда зубов, которые могли бы слегка напугать даже белую акулу.

– В своей анкете вы отметили желаемый уровень зарплаты от сорока тысяч евро в год, – продолжала акула бизнеса. – Сколько вы получали на вашей последней работе?

– Тридцать восемь тысяч, – соврал Виго.

Всегда нужно завышать требования на пятнадцать процентов – просто из принципа, чтобы изначально компенсировать постоянные занижения зарплаты.

– Это, как мне кажется, многовато, учитывая ваш уровень компетентности. Рынок вакансий сейчас перенасыщен. Я думаю, вы в курсе.

Да уж наверно, иначе бы черта с два я пришел в вашу гребаную контору!

Два ряда зубов снова обнажились в улыбке, достойной мафиози.

– Наши клиенты постоянно понижают цены на нашу продукцию, что автоматически означает сокращение расходов, и прежде всего – зарплат сотрудникам. Если вы будете работать у нас, вы сможете рассчитывать не более чем на тридцать две тысячи в год. Торг здесь неуместен.

Сукин сын, приставил ему нож к горлу... под предлогом очередного кризиса предлагает самую низкую зарплату из всех возможных!

Менеджер по кадрам с победоносным видом откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

– Итак?.. – с легким нетерпением в голосе спросил он.

Разумеется, этот мерзавец блефует.

– Я... видите ли... у меня еще несколько собеседований на этой неделе. Мне нужно подумать.

– У нас в «Медиа-Тек» не играют в дешевые игры! Мы не пытаемся искусственно занижить вам зарплату. Но вы нигде не будете получать больше. В нынешней экономической ситуации вам не стоит надеяться на чудо, ни здесь, ни где-либо еще. Мне не очень приятно вам об этом говорить, но все кадровики это знают.

– Но вы предлагаете мне зарплату новичка! А у меня стаж четыре года!

– Вам везде предложат то же самое. У нас нет недостатка в претендентах. Если один откажется – другой согласится. Как говорится, на войне уж чего-чего, а ружей всегда в избытке.

Виго больше не мог сдерживать гневно бушующую лаву. Еще вчера он принял бы это предложение. Но сегодня...

– А вот если бы вам самому снизили зарплату? Допустим, завтра вам скажут: Шарль, – правда, это не самое подходящее для вас имя, судя по вашему облику, но пусть будет Шарль, – так вот, Шарль, мы решили сократить вам зарплату на тридцать процентов. Это необходимо для выживания всего предприятия.

Собеседник резко выпрямился. Его шея раздулась, словно у игуаны, готовящейся атаковать врага.

– Простите?..

– Да-да, Шарль, вы всё правильно расслышали. На тридцать процентов. Так что вам придется как-нибудь обойтись без вашего «мерседеса» самой дешевой модели, ваших поддельных костюмов якобы от дорогих фирм и вашей фальшивой рубашки от Лакоста.

Виго поднялся и подошел к огромному окну во всю стену, по-хозяйски заложив руки за спину. Наконец-то он чувствовал себя здесь комфортно. Снизу, с мостовой, поднимались запахи асфальта и металла. Ответвления шоссе на

Дюнкерк и Париж едва просматривались в слабо светящейся дымке выхлопных газов. Виго решил продолжить выступление, хотя единственный зритель и без того уже был близок к обмороку.

– Шарль, вы прекрасно зомбированы и мотивированы – вы идеально чистый продукт современного общества потребления. В начале века в шахты отправляли лошадей для вывоза умерших. Этим лошадям ослепляли, чтобы они не видели всего того ада, через который им предстояло пройти. В наши дни нечто подобное делают с людьми. Ничего не изменилось. Готов спорить, ваша жизнь – это «дом-работа-санаторий, дом-работа-крематорий». У вас жена, двое детей, собака. Возможно, лабрадор по кличке Медор. Когда вы возвращаетесь домой, дети уже спят, а жена дремлет на диване в гостиной, уже не в силах вас больше ждать. Вы живете на свету вашего предприятия и в тени вашей семьи. Ваши деловые поездки в Париж вас ужасно выматывают, но вы никому об этом не говорите, вы все терпите и страдаете молча. Или я ошибаюсь?

Бледная лысина яйцеголового побагровела. На шее стали заметны пульсирующие жилки.

– Вы... Вон отсюда!

Виго торжествовал. Ощущение собственной власти доставляло ему неслыханное блаженство.

– Да с удовольствием, дружище Шарль! Продолжайте паясничать в своих стеклянных катакомбах. Эти двадцать пять квадратных метров – ваша гробница, в которую вы замурованы заживо, – и вы этого даже не замечаете. А я буду и дальше сидеть на шее общества, получая пособие по безработице. В каком-то смысле я краду у вас эти деньги, Шарль. От этого получать их приятнее вдвойне.

Менеджер с силой грохнул по столу кулаком. Его щеки тряслись. В горле глухо клокотало.

– Я вас сгною, Новак!.. У меня длинные руки! Обещаю, что ни одно предприятие в этом регионе никогда не возьмет вас на работу! И чтоб ноги вашей здесь больше не было!

Виго повернулся к нему спиной:

– Не беспокойтесь, не будет. Вид заживо разлагающихся трупов вызывает у меня отвращение... Кстати, Шарль, вам нужно уделять больше внимания гардеробу. Ваш галстук омерзителен. Я бы побрезговал даже удавиться на таком.

Шах и мат. Король умер.

Виго оставил за спиной Старую биржу и Театр оперы и направился к Главной площади, поглубже засунув руки в карманы куртки. Его галстук нашел последнее пристанище на дне мусорного бака. Виго чувствовал себя легким как перышко, сбросившим все оковы, наконец-то свободным. Приказы, распоряжения, брюзжание начальства – и все это ради каких-то смехотворных грошей! Теперь с этим покончено! С сегодняшнего дня он крепко держал руль своего корабля в собственных руках. Вперед!

Это же надо: такой фантастический поворот судьбы!

Не удержавшись, Виго издал воюще-рычащий звук в стиле Мика Джаггера, что вызвало улыбки у нескольких прохожих.

Он купил пару круассанов и расположился на ступеньках резиденции общества «Северные пути». Даже в этот ранний час уличные фотографы в куртках с капюшонами рыскали по улице Бетюн в поисках случайных клиентов. В центре площади, перед театром «Норд», огромное колесо обозрения, вызывавшее восхищенные шепотки зевак, поднимало к небесам группу английских туристов. В европейской культурной столице кипела жизнь.

Виго скомкал обертку от круассанов, бросил ее вниз на ступеньки и стал наблюдать за людьми, которые поднимались по лестнице, машинально оглябая это едва заметное препятствие. Забавно было наблюдать за изменениями чужих жизненных маршрутов, такими наглядными. Вот, например, женщина с красной сумкой. Хоп! – и она энергично перешагнула через две ступеньки, чтобы не наступить на маленький бумажный комочек. Пусть всего на полсекунды, но она отклонилась от привычного утреннего сценария. И это крохотное отклонение может отразиться на тысячах людей, на миллиардах атомов. Женщина может сегодня встретиться совсем не с теми людьми, с которыми ей было предназначено (кем, кстати, предназначено?), и, даже не сознавая того,

повлиять на их жизненный ритм, их поведение... В результате даже воздух вокруг них может измениться – в нем появятся другие запахи, и тогда вдруг одному из офисных служащих не вовремя захочется выйти покурить, из-за чего он займется клиентом на несколько минут позже, а тот позже выйдет из офиса, торопливыми шагами, слегка раздраженный... Может быть, он сядет в машину и поедет ненамного быстрее, чем обычно, – ну, прибавит скорость на лишний километр в час, – но его продвижение повлияет на бесконечное количество чужих маршрутов, на поведение других людей, на них самих в целом... Это ведь обычное дело. На дороге перед ним выкатится разноцветный мяч, потом выбежит ребенок, он затормозит, но слишком поздно... Прибывший врач констатирует смерть. Слезы, похороны... Возможно, самоубийства. И так далее в том же духе...

И все из-за чего? Из-за крошечного бумажного комочка...

Виго спасал и отнимал жизни, и никто об этом даже не подозревал. Такова тайная власть интеллектуалов над миром.

Он снова принялся слоняться по городу, пожирая взглядом фасады, украшенные лепными гирляндами, и манящие витрины. Теоретически все здесь принадлежало ему. Что мешает ему зайти в любой магазин, скупить все, что понравится, и расплатиться радужными банкнотами, вытащив их из своей волшебной шляпы?

Ему захотелось пережить это прежде незнакомое ощущение – почувствовать, какова реальность богачей. Он пересек по диагонали площадь Генерала де Голля и свернул на улицу Насьональ. Оказавшись перед домом номер 107, он распахнул дверь и вошел. Ему показалось, что он на самом деле окунулся в душную и влажную атмосферу Кубы – настолько ею был пропитан весь интерьер этого дорогого табачного магазина. Более двухсот разновидностей сигар были разложены на витринах в открытых кедровых или ольховых ящичках: «Америны», «Регалии», «Короны» и прочие «Панателы» в темных мантиях... До сих пор Виго не пробовал ничего дороже сигар «Хосе Эль Пьедра», продающихся вязанками по двадцать пять евро, – что называется, для бедных, которые хотят казаться богатыми.

Он проследовал за продавцом вдоль прилавков сквозь это полутемное тесное помещение, напоминающее сказочную пещеру, пропитанную благовониями. В горле першило от сладковатых терпких ароматов, за каждым из которых

стояла какая-нибудь экзотическая история. Его обслуживали, и ему это нравилось.

– Я хочу что-нибудь по-настоящему редкое и драгоценное, одну из жемчужин вашей коллекции, – бархатным голосом заявил он. – Нечто такое, что доставит мне наслаждение сродни тому, которое доставляет пироману зажженная спичка.

Глаза продавца, казалось, приняли красновато-коричневый оттенок табачных листьев.

– В таком случае я порекомендую вам «Саломон». Бывший кубинский диктатор Батиста специально держал такие для самых высоких гостей: президентов, министров и послов.

– Хм... Тогда, наверное, и мне стоит попробовать. Но... не разочаровывайте меня!

Продавец завел обычную песню, предназначенную для того, чтобы охмурять богатых клиентов: о покровном листе, наполнителе и витоле...[4 - Витола (исп. vitola) – специальный термин для обозначения формы и размера сигары.]

Сорок пять евро за штуку. Дешевка! Виго вынул из кармана пять банковских билетов.

Пять купюр по сто евро.

Расплатившись, он простился с продавцом, вышел и углубился в лабиринт узких улочек Старого Лилля. Снег уже перестал падать и теперь покрывал мостовую тонким и просвечивающим, словно калька, слоем. Ложная тревога, подумал Виго, поднося к уху мобильный. Сильвен отозвался после двух гудков.

– Натали сейчас рядом нет? – без всяких вступлений спросил Виго.

– Нет, она одевает Элоизу. И тебя с добрым утром...

– Что с машиной?

– Я поменял фару. Что касается кузова, мой знакомый мастер приедет на него взглянуть, но не раньше чем через три дня.

– Натали видела вмятину?

– Конечно!

– И что ты ей сказал?

– Не волнуйся, все обошлось. Я сказал, что какой-то мотоциклист зацепил машину, пока она стояла на парковке, а я был у тебя. А раз у нас только страховка ответственности перед третьими лицами, нет смысла звонить в страховую компанию.

– Отлично. Как ты в целом?

– Всю ночь глаз не сомкнул. Я как на иголках – только за это утро телефон звонил трижды, и каждый раз мне казалось, что...

Он помолчал, потом продолжал почти шепотом:

– Я знаю, что это глупо, но каждый раз я думал, что звонят из полиции! Что копы вот-вот будут здесь!

Виго сжал свободную руку в кулак. Его опасения подтверждались.

– Прекрати эти глупости, иначе Натали может что-то заподозрить! Ты должен держать себя в руках! Это необходимо, слышишь? Никакие копы к тебе никогда не приедут. Сам подумай, ну как они выйдут на наш след? Мы в полной безопасности! Ты понял?

– Да...

Сильвен слегка кашлянул, затем неуверенно проговорил:

– Слушай, у меня тут серьезная проблема... Приходил мастер из службы газа... Наш паровой котел сдох, приходится топить угольную печку, а у нее труба с трещиной... я кое-как замотал ее техническим пластырем, но боюсь, как бы чего не вышло... Новый котел стоит три тысячи евро. Мне нужны деньги. Я подумал, может, ты мог бы...

– Забудь об этом! – перебил Виго. – Сейчас нельзя трогать эти деньги! Ты что, спятил?

Заметив удивленные взгляды прохожих, Виго поспешно свернул в зигзагообразный переулок, где располагались магазинчики антиквариата и всевозможной «эзотерики».

– Возьми кредит. Сейчас потребительские кредиты дают всем, у кого есть две руки и две ноги. Уже не те времена, когда банки подолгу раздумывали...

– Мне не дадут, учитывая мою нынешнюю задолженность... Черт, но это же идиотизм – сидеть на деньгах как собака на сене, когда они могут принести пользу! Мне позарез нужны эти деньги! Я в полном дерьме!

Если бы Сильвен сейчас оказался здесь, взгляд приятеля его наверняка бы испепелил.

– Подожди, – произнес Виго в трубку, пытаясь обуздать гнев, – кажется, я знаю выход. Дай мне немного времени – я хочу купить прочный чемодан для банкнот. Куплю и сразу приеду к тебе, о'кей?

– Какой выход?

– Вот увидишь! Кстати, ты по-прежнему не хочешь, чтобы они были спрятаны у меня? Они были бы в большей...

– Нет! Это не обсуждается. Они принадлежат нам обоим. Дело не в том, что я тебе не доверяю, но я бы предпочел, чтобы они хранились на нейтральной территории. Вдруг твой дом загорится? А у меня есть на примете отличный тайник. Жду тебя к вечеру с деньгами.

«Чертов псих!» – подумал Виго.

Он отсоединился. У его губ появилась нехорошая складочка. То, что он вынужден подчиняться Сильвену, этому рохле, было болезненным ударом по самолюбию.

Прежде чем вернуться к машине, он зашел в магазин компьютерных игр, расположенный в самом сердце Евро-Лилля[5 - Евро-Лилль – деловой и торговый район Лилля.], где купил за наличные специальный компьютер для игры в шахматы самой последней модели, а также четыре видеоигры. Покупать, покупать и снова покупать, оставаясь анонимным и всемогущим...

Потом Виго зашел в аптеку и купил упаковку снотворного донормил.

Сидя за рулем автомобиля с сигарой в зубах, словно арабский принц, он думал о том, что этот счастливый сон может в любой момент превратиться в кошмар.

Если ему не удастся убедить Сильвена.

Если не удастся сохранить их общую тайну...

Глава 8

С помощью цифрового фотоаппарата Люси Энебель запечатлела для вечности ругательства на стенах офисного здания. Сотрудники предприятия – явно какие-то шишки, судя по их костюмам и седанам последней модели – беседовали у входа с лейтенантом Пьером Норманом. Их голоса и жесты были резкими. В гуще темных деловых костюмов рыжая шевелюра лейтенанта полыхала, как лесной пожар.

Люси выругалась про себя, сознавая всю никчемность своей нынешней задачи. Она-то с давних пор мечтала о темных подвалах, хитроумных маньяках – а ей вечно доставалась какая-то ерунда... Ну почему дети обычных родителей – мать-домохозяйка, отец-рабочий – наследуют от них заурядную судьбу?..

К ней подошел Норман:

– Хороши же эти типы! Послушать их, так это мы во всем виноваты! Ну что у тебя?

– Ничего особенного. Два разных почерка, стало быть, стены расписывали два человека. Не слишком изобретательных, кстати говоря.

– Дело в том, что сегодня сюда прибывает парижское начальство. А за последние полгода с этого предприятия было уволено по сокращению сто двадцать семь человек – рабочих и программистов. Глобальная чистка, можно сказать. То есть мы имеем дело с чьей-то глупой мезтью – это уж к гадалке не ходи. Если придется искать конкретного виновника, лучше ориентироваться на рабочих. Как мне поведали «пиджаки», у программистов нет чувства локтя, так что вряд ли это они...

Норман побренчал ключами в кармане.

– Поехали. Малышка Кюнар была убита в десяти километрах отсюда, и мне хотелось бы взглянуть на место преступления.

– А ты не хочешь взять у них список уволенных сотрудников?

– Они пришлют нам его по факсу. И потом, то дело поважнее этой хренотени!

– Странно, – задумчиво произнесла Люси, бросая последний взгляд на запасной выход. – Вот над этой дверью надпись замазана. Как будто сначала они написали какую-то фразу, а потом передумали.

Норман провел рукой по замаскированной надписи.

– Может быть, тут была подпись, которую они потом захотели скрыть? Неожиданный проблеск искренности?.. Ладно, нам пора ехать!

Люси с некоторой досадой захлопнула блокнот. Загадка этой закрашенной надписи показалась ей любопытной.

Однако она ощутила новый прилив возбуждения, когда они с Норманом добрались до пункта назначения. Из-за нехватки офицеров Люси наконец-то получила возможность увидеть место преступления таким, как оно есть, а не на сделанных кем-то фотографиях. Капитан Равье не слишком обрадуется ее присутствию – но, в конце концов, она подчиняется только Норману, своему непосредственному начальнику.

Машина затормозила позади «мегана» и «сценика», в самом центре огромного кладбища индустриальных гигантов. Немногие уцелевшие предприятия отравляли атмосферу черными угольными выхлопами.

Люси коротко поздоровалась с дежурным сержантом, откомандированным на роль встречающего, и следом за Норманом подошла к эксперту-криминалисту. На нем не было ни белого халата, ни хлопковой маски, ни даже форменной зимней куртки с надписью «Криминалистический отдел». Обычный тип с флюоресцирующей повязкой на рукаве, с покрасневшими от холода руками, с трудом переводящий дыхание в промозглой декабрьской атмосфере накануне Рождества.

– Осторожнее, смотрите под ноги! – предупредил он, предостерегающе махнув рукой. – Мне нужно еще немного времени, чтобы закончить с отпечатками шин!

Норман указал подбородком на приземистое здание с жестяной крышей, стоящее примерно в десятке метров от шоссе посреди необработанного поля. Место, где было совершено убийство...

– Это как-то связано с убийством девочки?

Эксперт указал на маленькие прозрачные пакетики, разложенные на крышке чемоданчика.

– Скорее всего, да. Вот там фрагменты левой фары, обнаруженные в пяти метрах от начала тормозного пути, – они свидетельствуют о том, что человек был сбит. Я также нашел пару очков в очень плохом состоянии, которые супруга Кюнара идентифицировала как принадлежащие ее мужу.

– Значит, его сбили?

– Сбили и потом увезли – поскольку тело исчезло. С помощью люминола обнаружены следы крови в более чем девяти метрах от места столкновения – позади вас.

Люси обернулась и слегка прищурилась.

Девять метров?! Ничего себе полет...

– Самое примечательное – то, что преступники попытались смыть следы крови! Микрочастицы, застрявшие в неровностях асфальта, говорят о том, что большая часть крови была стерта.

– Стерта?.. А... на какой скорости произошло столкновение?

Эксперт выпрямился, снял перчатки из латекса и надел матерчатые.

– Я обнаружил три четких следа шин из четырех – это говорит о том, что тормоза сработали на семьдесят пять процентов из ста. На данный момент – хотя нужно будет еще свериться с результатами из лаборатории – можно предположить, что автомобиль ехал со скоростью сто километров в час. Судя по траектории шин, наезд не был преднамеренным. Водитель попытался избежать столкновения, но, к несчастью, слишком поздно.

Норман опустил на корточки возле следов шин, а Люси тем временем вынула блокнот и черкнула в нем несколько строчек.

– От такого удара автомобиль мог получить какие-то повреждения? – спросила она. – Например, ветровое стекло могло разбиться?

– Нет, на такой скорости машина сбивает пешехода, как соломенный сноп. Когда речь идет о человеке роста и телосложения Кюнара, столкновение происходит выше уровня капота. Головой человек стучается о крышу, которая принимает на себя основную силу удара. Тело перекачивается по ветровому стеклу и крыше, потом его отбрасывает назад и оно падает на мостовую, иногда с высоты в несколько метров. Вопреки распространенному мнению, при столкновениях такого рода ущерб для автомобиля минимальный. А вот человек чаще всего умирает прямо на месте.

Норман огляделся по сторонам и широко развел руками:

– Одного не могу понять: почему Кюнар даже не попытался уклониться? Дорога абсолютно прямая. Как можно было не заметить приближающийся автомобиль?

Эксперт поднял палец:

– Очень просто – потому что он ехал с выключенными фарами. И у меня есть тому доказательства.

Он шагнул к краю шоссе, где еще поблескивали на асфальте мельчайшие осколки разбитой фары.

– Машину Кюнара нашли недалеко отсюда, на другой стороне поля с ветряками. Почти ровно посередине между тем местом, где мы сейчас находимся, и заброшенным складом. Стало быть, он пешком пересекал поле, чтобы явиться на место встречи и передать выкуп. Удар пришелся сбоку, вот прямо здесь.

– Сбоку?

– Правая дужка очков сильно вогнута внутрь, а на винтике, который соединяет ее с оправой, найдены микрочастицы кожи. Стало быть, Кюнар ударился о крышу головой в районе правого виска. Он шел к своей цели, не поворачиваясь лицом к автомобилю, потому что просто его не видел.

– Да, но шум мотора?.. – спросила Люси.

– Ночью был очень сильный ветер. Аудиометрические данные, которые нам предоставили эксплуатационные службы ветряков, показывают уровень шумов до семидесяти децибел. Шум ветра и гул ветряков полностью перекрывали шум мотора, даже несмотря на то, что он работал на полную мощность. То есть Кюнар не мог ни видеть, ни слышать автомобиль. Ему чертовски не повезло...

Криминалист – еще совсем молодой человек с целым созвездием юношеских прыщей на лице – аккуратно убрал свои пакетики в чемоданчик.

– Подробный отчет и данные первичного биохимического анализа я пришлю вашему капитану к концу дня, но вам сразу скажу, что основная часть разбитой фары – примерно четыре пятых – исчезла. Я обшарил все вокруг в радиусе двадцати метров и не нашел ничего, кроме нескольких совсем мелких осколков.

– А может быть, только часть фары разбилась? – спросила Люси.

– Нет! Контуры и степень вогнутости осколков говорят о том, что они – от разных краев левой фары. Значит, она разбилась целиком, и большая часть осколков исчезла. Водитель потрудился на славу, чтобы скрыть все следы преступления, а потом увез с собой труп. В храбрости ему не откажешь, верно?

Он бросил взгляд на часы:

– Ну ладно. Извините, но мне пора. Мне еще предстоит проехать восемьдесят километров, а потом написать отчет. Не говоря уж о том, что я хочу, как и все остальные, отметить сегодня Рождество.

И буквально через двадцать секунд он нырнул в машину и исчез – только шины взвизгнули по асфальту. Почти одновременно с этим на пороге склада появился капитан Равье. Его лицо с пышными черными усами было хмурым и замкнутым.

– Пошли расспросим шефа, – предложил Норман.

Люси немного поколебалась, затем ответила:

– Боюсь, он будет не слишком рад меня здесь увидеть. Может, мне лучше посидеть в машине?..

Норман слегка пожал плечами, затем плотнее запахнул свою кожаную куртку. Невидимые потоки ветра ударялись о лопасти ветряков, отчего те издавали низкий гул, похожий на вой.

Капитан Равье гордился своими роскошными усами. Эти густые темно-каштановые усы почти полностью скрывали его верхнюю губу, по обе стороны от которой загибались вверх – их кончики были покрыты специальным лаком. Они придавали капитану элегантность Эркюля Пуаро при телосложении Клинта Иствуда.

Равье был типичным дюнкеркцем – мясистый, налитый пивом. Но когда все его сто килограммов были укрыты под полицейской униформой, он выглядел холодным и несокрушимым как скала. Иными словами, производил впечатление типа, с которым лучше не связываться.

Сейчас он смолил сигарету у входа в низкое приземистое здание, где таилась Смерть. Его красноречие, как всегда, было на высоте:

– Я смотрю, вы уже успели потрепаться с этим типчиком из Лилля. А ты какого черта тут делаешь, Энебель?

– Это я ее привез, капитан. Мы ездили на вызов – примерно в десяти километрах отсюда кто-то исписал ругательствами стены, – а потом сразу поехали сюда... Вы один?

– Жду кинологов. Комиссар уехал на вскрытие тела девочки, а Колен допрашивает ее мать. Начали опрос местных... Ну и паршивое дельце, особенно под Рождество...

Он бросил под ноги недокуренную сигарету и раздавил ее подошвой кожаного ботинка. Его пальцы слегка дрожали. От холода или от волнения?

– Что там? – наконец отважился спросить Норман. – Эксперт сказал, что Кюнара сбила машина...

Капитан поколебался, поднял воротник толстой зимней куртки и бросил, повернувшись к Люси:

– Оставайся снаружи, Энебель! Мы с Норманом войдем.

– Капитан, я привез ее сюда не затем, чтобы она дежурила у входа! – запротестовал Норман. – Она будет работать по этому делу!

Равье окинул Люси критическим взглядом с головы до ног:

– Ты ведь прекрасно знаешь, Энебель, что доступ на место преступления имеют лишь офицеры судебной полиции?

– Да, но я также знаю, что две головы хорошо, а три – лучше...

Равье скривил губы сначала вправо, потом влево, словно полоская рот.

– Повезло тебе, что у меня народу немного! Хорошо, идите оба за мной. Ребята из Лилля уже закончили осмотр, фотосъемку и сбор улик, но все равно будьте поосторожнее.

Норман и Люси украдкой переглянулись, и почти сразу их ослепил яркий, резкий свет галогеновых ламп. Тысячи мерцающих пылинок дрожали в воздухе, словно дождевая морось. Внутри здание резонировало, как пустой мертвый каркас – заброшенная гробница, отданная на разорение времени. Норман невольно вздрогнул. Люси, наоборот, ощутила прилив энергии.

– Тело девочки нашли вот здесь, под окном, – указал капитан.

Он встал возле очерченного мелом силуэта на полу – эскиза так рано прерванной жизни.

– Следы удушения едва заметны. Никаких следов насилия или жестокого обращения. Из-за ночных перепадов температуры судмедэксперт установил лишь приблизительное время наступления смерти – между полуночью и тремя часами утра. Входная дверь не взломана. Это здание должно скоро пойти под снос, а пока сюда складывают бобины от кабелей. Мать девочки позвонила в полицию в три часа утра, встревоженная тем, что от мужа нет никаких известий. За два часа до того он повез выкуп в условленное место – то есть как раз сюда.

Равье наклонился к окну, слегка поморщившись от бывшего в глаза яркого света ламп.

– Жена Кюнара занимается покупкой и продажей текстильных предприятий. Меньше чем за год она уволила больше ста десяти сотрудников. Судя по отзывам, холодна как лед и неумолима как смерть, на подчиненных ей плевать. Она и ее муж постоянно получали письма с угрозами и анонимные звонки в любое время дня и ночи. Звонили мужчины, женщины, даже дети! Неплохо для начала, как считаете? Так что задел для работы у нас есть...

– Криминалисты что-нибудь нашли? – спросил Норман.

Равье поиграл желваками:

– Ничего утешительного. Хренова куча отпечатков, и ни одного годного.

– Как так?

– Отпечатки на стекле, на полу и на дверной ручке обработали цианоакрилатом метила. Флюоресцирующий краситель среагировал – это выявило присутствие жира. Стало быть, убийца не надевал перчатки. И вместе с тем – следы папиллярных узоров полностью отсутствуют! Только контуры фаланг! Как будто их оставил призрак...

Норман, явно удивленный, приблизился к грязному стеклу.

– И что это значит? Насколько я знаю, папиллярных линий у человека не может не быть. Пусть в самом слабом виде, но они есть у всех, и узор не меняется с рождения до смерти... Разве что...

– Руки убийцы обожжены... или что-то в этом роде, – продолжила Люси.

Равье кивнул.

– Но это не единственная странность, – добавил он. – Здесь какое-то безумие...

Сквозь завесу мерцающих пылинок Норман и Люси обменялись взглядами, в которых читалось одно и то же: ну и дела, капитан явно не в своей тарелке...

– Тело было расположено... как бы это сказать... в общем, странно. Девочка сидела на полу, ноги слегка раздвинуты, руки лежат между ними. Волосы аккуратно причесаны и перевязаны лентой. Несмотря на холод, на ней был только домашний халат из очень тонкой материи. И тело, и одежда пропахли выделанной кожей – очень стойкий, резкий запах... Когда я вошел...

Равье непроизвольно вздрогнул и после паузы продолжал:

– ...мне в первый момент почудилось, что она еще жива. Она... она улыбалась, глаза широко раскрыты, голова повернута прямо ко мне... Она была похожа на какую-то адскую куклу!

Сердце Люси учащенно заколотилось. Мысленно воспроизводя сцену преступления, она испытывала гораздо больше чувств, чем раньше, когда читала о чем-то подобном в книгах: сострадание, почти физическое ощущение холода, от которого сжимаются легкие... Но сильнее всего было мучительное чувство безысходности из-за того, что она оказалась здесь слишком поздно...

Она прикрыла глаза.

Улыбка... лента на волосах... Ты специально позаботился о том, чтобы произвести шокирующее впечатление... Просто убить для тебя недостаточно... у тебя какая-то другая, личная цель... Ты...

– А кстати, вы знаете, что девочка была слепа от рождения? – спросил Равье. – У нее была эта, как бишь... септооптическая дисплазия. Судмедэксперт сказал, что это очень редкий случай слепоты – меньше четырех процентов от всех случаев в мире. Сиротская болезнь...

Люси промолчала, лишь поглубже уткнула подбородок в воротник своей куртки. Норман не выдержал и взорвался:

– Слепа! Ну это же надо!.. Этот мерзавец похитил слепого ребенка! Который никогда не смог бы его опознать! Черт, это уж слишком!..

Капитан Равье провел кончиками пальцев по усам, стряхивая с них осевшие капельки влаги.

– Гнев и жажда мести – вот что побудило этого монстра к действию! Он разозлился на Кюнара из-за крушения своего замысла. Вот представьте себе: вы уже в двух шагах от своей цели, вы вот-вот получите деньги, вы уже ощущаете их в руках. И вдруг происходит нечто немыслимое – человек, который несет вам деньги, глупейшим образом попадает под машину! Продолжение нетрудно себе представить. Как по-твоему, Энебель?

Люси протиснулась к окну между двумя мужчинами.

– У водителя было два выхода – сразу уехать или задержаться... Совесть все же побудила его выйти из машины... Человек лежал на асфальте страшно искалеченный, возможно уже мертвый... Но даже если водитель собирался вызвать полицию или «скорую», ему помешала одна деталь, сразу изменившая его намерения, – деньги, предназначенные для выкупа, которые он обнаружил рядом с телом. Жребий был брошен, сомнений не осталось: он не стал вызывать полицию, забрал деньги и скрылся. Все планы похитителя рухнули, его мечты мгновенно обратились в прах... Радужное будущее не наступило... Тогда он подошел к похищенной девочке, сжал ее горло и...

– А что ты думаешь насчет исчезновения тела Кюнара?

– Хм... пока не могу сказать наверняка. Кто-то его увез – но был ли это убийца девочки или водитель?... Для второго это все же слишком рискованно. В такой ситуации человек скорее схватит деньги и бросится бежать без оглядки, как можно дальше...

– Но тот парень, криминалист, с которым мы разговаривали, утверждает, что кровь Кюнара была стерта с асфальта, а осколки разбитой фары исчезли, – вмешался Норман. – Если бы они остались на месте, мы могли бы определить марку машины, и наш водитель наверняка это знал. Но он хотел свести риск опознания к минимуму, поэтому постарался уничтожить все следы. И тело наверняка забрал с собой, чтобы избавиться от него где-нибудь подальше отсюда. Кстати, за всеми его манипуляциями, возможно, наблюдал похититель.

– Да, мне тоже так кажется, – кивнул Равье. – А что касается очков, от удара они отлетели слишком далеко, и он их просто не заметил. Полагаю, наш водитель – человек собранный, организованный и вместе с тем абсолютно бессовестный. Но вот тот факт, что он ехал с потушенными фарами на огромной скорости по тупиковой дороге... У меня только одна версия – он уходил от погони.

– Ну или, может, хотел произвести впечатление на свою подружку и решил прокатить ее с ветерком, – предположила Люси. – Или просто с фарами что-то случилось, и он заблудился на дороге, заехал в промзону... Причин может быть множество.

– Во всяком случае, говнюк он еще тот! – проворчал Равье.

Снаружи донесся собачий лай.

– Вот и кинологи, – заметил капитан, машинально покачиваясь с мысков на пятки. – Сейчас собаки отыщут следы Кюнара, мы установим весь его маршрут и наверняка получим подтверждение, что его тело было увезено в машине, которая его сбила. Норман! Нужно будет связаться с жандармерией и попросить, чтобы сюда прислали бригаду водолазов. Если водитель и впрямь решил избавиться от трупа, он, скорее всего, бросил его в озеро Пюитук или в морской залив. Энебель, бери машину и возвращайся в комиссариат. Обзвони все страховые компании и автосервисы в округе. Выясни, не обращался ли к ним кто-нибудь по поводу разбитой фары и вмятин на капоте. Кроме того, держи связь с ребятами из криминалистического отдела – пусть побыстрее пришлют мне по факсу свои заключения, хотя бы предварительные.

Он указал в окно на небольшой фургончик, стоявший на обочине перпендикулярно шоссе:

– Журналисты уже в курсе. Им пока не сообщайте никаких деталей. И готовьтесь к тому, что ваши рабочие дни сильно удлинятся. Самое большее через час префекты, министры и прочие парижские шишки обо всем узнают и с этого момента не будут спускать с нас глаз – ведь речь идет об убийстве ребенка. Так что нужно подстраховаться. Все, идите.

Люси коротко кивнула, взяла ключи и документы от машины и молча вышла. Однако внутри бушевали эмоции. Впервые она сама осмотрела место

преступления и получила серьезное задание – и все это за каких-то полдня. То, о чем она раньше знала только из книг, материализовалось. Осуществилась ее тайная мечта – расследовать запутанные убийства... Кто-то там наверху услышал ее молитвы?

Мысленно она обругала себя – как можно испытывать что-то хоть отдаленно похожее на радость, если слепой ребенок был похищен с целью выкупа, а затем убит? Тем более если ты едва покинула то место, где это произошло?

По дороге сквозь вечные туманы Дюнкерка Люси пыталась сосредоточиться на уже известных деталях преступления. Она словно воочию видела перед собой газетные заголовки: «Жестокое убийство слепой девочки...», «Зверское удушение...», «Вся полиция Дюнкерка поднята на ноги...».

Гнев... По версии Равье, именно гнев побудил убийцу сомкнуть пальцы на хрупком горле...

Она улыбалась, глаза широко раскрыты...

Почему же он тогда расположил тело у стены, придав ему определенное, явно умышленное положение? Откуда улыбка на губах девочки, искаженных предсмертным страданием?

Люси крепче сжала руль, чувствуя досаду, – ей не доставало фотографий с места преступления, отчета о вскрытии, биологических и токсикологических анализов, которые еще только предстояло получить. Иными словами, самых важных элементов, к которым у нее нет первоочередного доступа из-за служебной субординации.

Но даже несмотря на это, версия Равье казалась ей неубедительной. В этом убийстве не было ничего спонтанного.

Люси отломилась дольку шоколада и положила в рот.

Ты насмотрелась фильмов. Кто бы решился сжечь себе пальцы, чтобы избежать опознания по отпечаткам? Но тогда... почему же на отпечатках нет папиллярных узоров? Это...

Ее нога словно сама собой нажала на тормозную педаль. Люси резко развернула машину. По спине пробежал холодок, пугающий и бодрящий одновременно.

Капитан Равье отошел от группы жандармов и тут заметил торопливо идущую к нему Люси.

- Энебель! Какого черта ты опять здесь?

Люси судорожно вдохнула побольше воздуха:

- Вы сказали... что девочка улыбалась... так? А... что это была за улыбка? Сдержанная? Или... во весь рот? Губы были сомкнуты... или приоткрыты? Опишите подробнее.

- К чему ты клонишь?

- Пожалуйста, опишите ее... капитан!

- Слушай, ты меня достала! Обычная улыбка. Чего тебе надо, не понимаю!

- Когда мозг не контролирует мышцы скул - например, во время сна, - рот у человека искривлен... Но для улыбки нужно одновременное напряжение множества лицевых мышц, и, если человек мертв, она не сохранится...

- Я это и без тебя знаю! Ясно же, что убийца умышленно придавал губам девочки такое положение. А трупное окоченение довершило его работу.

- Тогда отпадает гипотеза убийства в порыве гнева. Гнев - эмоция мгновенная и неподконтрольная. Когда он рассеивается, убийцы, совершившие преступление в состоянии аффекта, чаще всего раскаиваются в содеянном и пытаются скрыться как можно быстрее, чтобы не видеть перед собой мертвую жертву - для них это мучительно.

Равье сделал начальнику жандармского подразделения знак подождать.

- Хватит с меня этой бредятины из дешевых детективчиков! Гнев и жажда мести - ничего другого! А желание еще усугубить свое преступление, еще

больше всех шокировать – это только следствие того же гнева.

– Но то, что вы говорите, противоречит...

– Хватит! Возвращайся в комиссариат и делай то, что я сказал!

Но Люси уже ни на что не обращала внимания – ей нужно было во что бы то ни стало договорить до конца:

– Слушаюсь, капитан. Но вы же знаете, что трупное окоченение начинается спустя как минимум час после смерти. Целый час, капитан! И целый час убийца оставался на месте преступления, прижимая пальцы к губам девочки, чтобы сохранить ее улыбку, – в то время как похититель спокойно уехал с его деньгами! Шестьдесят минут он просидел лицом к лицу с трупом девочки, глаза которой были широко раскрыты!

Глава 10

На одной из улиц Дюнкерка, параллельной набережной, где находился причал морских яхт, с громким скрипом тормозов остановился старенький «фиат».

– Девочка, можно тебя на минутку?..

Пряди светлых шелковистых волос, выбившихся из-под вязаной шапочки, трепал соленый морской ветер. Большой пушистый шарф, повязанный, судя по всему, заботливой материнской рукой, укутывал шею и нижнюю часть лица, оставляя снаружи лишь кончик носа и глаза.

– Да, мадам?..

Сидящая за рулем женщина еще ниже опустила окно и показала девочке огромный пакет, набитый игрушками.

– Я собиралась отвезти рождественские подарки в больницу Эрбо, но совсем заблудилась в этом огромном городе! Сама-то я издалека. Ты не поможешь мне найти дорогу?

Тринадцатилетняя Элеонора поправила ляжку школьного рюкзака на плече и подошла к краю тротуара. Было около половины пятого, но уже смеркалось. Ей предстояло еще зайти в аптеку, и нужно было поторапливаться, чтобы дома не забеспокоились.

– Это не очень далеко, но я не знаю, как вам объяснить... Нужно повернуть в сторону центра, проехать вдоль порта, и оттуда ее уже будет видно. Вы знаете, я часто бываю в этой больнице. Я думаю, дети порадуются вашим игрушкам!

Улыбающееся лицо женщины внезапно скрылось за картой автодорог, когда мимо прошла обнявшаяся парочка. Затем водительница жалобным голосом произнесла:

– Ох, я ничего не понимаю в этих дорожных картах! A-25, RN-252 – полная абракадабра! И потом, скажу тебе честно, у меня совсем никудышные глаза! Может быть, мы с тобой договоримся? Ты сядешь ко мне в машину, покажешь мне дорогу к больнице, я передам игрушки, а потом довезу тебя прямо до дома! И заодно сделаю тебе подарок – Марсупилами[6 - Марсупилами – герой мультфильма, зверек, который больше всего напоминает мартышку с очень длинным хвостом, но расцветкой скорее похож на леопарда.], он тоже есть в моей сумке! Ты, правда, уже большая для плюшевых игрушек, но ведь наверняка у тебя есть младший братик или сестренка? Для них это будет замечательный подарок на Рождество!

Элеонора машинально отступила назад. И в школе, и дома ей постоянно напоминали, что ни в коем случае нельзя садиться в машину к незнакомым людям. Что злоумышленники нарочно прикидываются добрыми, предлагают конфеты или игрушки, чтобы заманить детей. В праздничные дни ей вообще запрещалось выходить из дома одной. У местных жителей еще свежа была в памяти история о четырех изнасилованных и зверски убитых девочках-подростках. Но стоит ли бояться этой морщинистой седовласой женщины с попорченными работой руками, закутанной в огромное кашне? Элеонора машинально стиснула зубами пальцы своих перчаток.

– Я не могу с вами поехать, мадам. Мама мне не разрешает...

Женщина помахала связкой ярко-желтых брелоков, каждый в виде миниатюрного Барта Симпсона:

– Это для малышей, больных лейкемией... Я обещала приехать до половины пятого, вот ведь какая незадача... Я, конечно, не матушка Санта-Клаус, но знаю, как много значит для них это обещание. Я уже спрашивала у людей дорогу, и они мне объясняли, но у меня, что называется, топографический кретинизм. Я тебя очень прошу, помоги мне! Это займет совсем немного времени. Меня ждут мои детки... хотя, наверно, правильнее будет сказать – внушки.

Элеонора нерешительно переступила с ноги на ногу. Что же делать? Ослушаться маму? Ни за что! Но с другой стороны – это ведь ради больных детей... таких, как она сама. И потом, мама говорила не садиться в машину к незнакомым мужчинам. Это правило наверняка не стоит распространять на сердобольных старушек...

– Ну хорошо, – наконец ответила она. – Только потом отвезите меня в аптеку, ладно? Я не хочу опаздывать домой, а то мама меня убьет.

– Договорились! Садись на заднее сиденье. Только осторожно, там куклы! Не повреди их!

Девочка, чью внешность сложно было бы оценить – мордашка была до половины закрыта шарфом, бесформенная зимняя куртка скрывала фигуру, – кое-как устроилась между куклами на заднем сиденье. Их блестящие перламутровые глаза пристально смотрели на нее. Ноздри Элеоноры слегка дрогнули – весь салон был пропитан одуряющим запахом кожи.

– Можешь снять шапочку, юная особа! В машине снег не пойдет!

Девочка повиновалась. По плечам рассыпались волны белокурых волос.

«Прекрасно! – подумала женщина. – Роскошно... великолепно!»

– Красивые у вас куклы! Лица у них совсем как настоящие!

– Я сама их делаю, из самых качественных материалов. Ты знаешь, на каждую уходит не меньше чем по пятьдесят часов работы!

Элеонора растерянно моргнула – голос женщины изменился. Теперь он не был слабым и прерывистым, как раньше, – он внезапно стал суровым. Гораздо более суровым. Девочка положила руки на колени и замолчала.

Никто не обратил внимания на эту сцену. Водители немногочисленных машин, проезжавших мимо, были полностью захвачены суматошной и одурманивающей предрождественской атмосферой.

Столь же одурманивающей, как пропитанный эфиром ватный тампон, который через несколько минут, в районе пустынной парковки, прижался к лицу Элеоноры, унося ее к зыбким границам безумия...

Глава 11

Писк факса вернул Люси из мира снов обратно в реальность. Ей понадобился добрый десяток секунд, чтобы понять, что она заснула прямо на рабочем месте, перед монитором включенного компьютера, склонив голову набок. Часы в нижнем углу экрана показывали шестнадцать тридцать. Итак, двадцать минут крепкого сна в разгар рабочего дня. Она нервно сглотнула, но потом увидела, что жалюзи на стеклянных перегородках соседних кабинетов опущены. Значит, никто ее не видел.

Но если такое будет повторяться регулярно – много ли времени пройдет, прежде чем ее застукают?

Люси выглянула в коридор и убедилась, что он пуст, как и все ближайšie кабинеты. Несколько ее коллег располагались чуть дальше, в общем помещении, но они, судя по всему, ничего не заметили.

Если так и дальше будет продолжаться – в один прекрасный день ты заснешь прямо на ходу!

Она добрела до кабинета Равье. Стоящий за стеклянной дверью факс уже выдал первую порцию данных, присланных судмедэкспертами. Люси украдкой посмотрела направо, потом налево и осторожно повернула дверную ручку...

Скрипнули петли. Дверь приоткрылась. В коридор потянулся застарелый запах табака.

Если тебя здесь застигнут, ты скажешь, что факс надрывался из-за того, что закончилась бумага... Да, хорошая идея. Усач требовал отчетов к своему возвращению, поэтому ты решила заправить новый рулон...

С замиранием сердца она взяла первые листки отчетов. Слегка поколебавшись, прикрыла дверь и поправила дверные жалюзи. За самовольное проникновение в рабочий кабинет капитана в его отсутствие ей грозили крупные неприятности, но ее подстегивали природное любопытство и азарт начавшегося расследования.

Это не какая-то вымышленная история из твоих книжонок, идиотка! Ты держишь в руках сломанную судьбу несчастной девочки! И это заставляет тебя дрожать от возбуждения?..

Заткнись! Сделай то, что нужно! Просто сделай свою работу!

Из-за нехватки времени Люси внимательно просматривала лишь подчеркнутые термины, выводы в конце каждого раздела и краткие заметки от руки, появившиеся на уже отпечатанных документах, – бо?льшую часть профессионального криминологического трепа приходилось пропускать.

Первые страницы, автором которых был Станислав Новак, технический эксперт, были посвящены дорожному инциденту и подтверждали информацию, полученную на месте. Осколки фары не позволяли установить тип автомобиля. Ширина следов колес и рисунок шин, один из самых распространенных, также не слишком сокращали количество возможных вариантов. Словом, если оставить в стороне все эти мудреные слова вроде «кинетическая энергия», «коэффициент трения» и «гравитационная константа», автомобиль без антиблокировочной системы, с шинами средней степени изношенности и неисправным правым задним тормозом сбил человека неумышленно, на скорости примерно сто пятьдесят километров в час. Что же касается анализа крови на асфальте

и микрочастиц кожи на оправе очков, этих данных в отчете пока не было.

Повлажневшими от волнения руками Люси выдернула из факса еще пару листков. Биологический анализ воссоздавал ауру убийства, выявляя те невидимые невооруженным глазом микроэлементы, которые были обнаружены вокруг трупа.

Люси быстро пробежала абзац, в котором шла речь об отпечатках обуви, найденных на складе. И здесь ничего определенного... Все это время она оставалась начеку, вздрагивая при каждом телефонном звонке или звуке голоса, доносившемся из коридора.

Если так и дальше пойдет – у тебя будет сердечный приступ! Возвращайся в свой кабинет и займись своими делами!

Факс постепенно извергал из своих недр все новые листки с информацией. Иногда он затихал из-за перегруженной памяти, затем возобновлял работу.

Ну быстрее же, черт возьми!

Охваченная нетерпением, она схватила еще теплый листок бумаги, машинально сдула упавшую на лицо прядь волос и впилась глазами в строчки. Речь шла об анализе ДНК шерстинки.

Какой еще шерстинки?

Многие слова были подчеркнуты, выделены жирным шрифтом или курсивом. Люси принялась перечитывать страницу уже более внимательно. Назойливое тиканье собственных наручных часов страшно действовало ей на нервы. Равье мог вернуться с минуты на минуту.

Мы провели анализ шерстинки, обнаруженной при вскрытии в пищеводе Мелоди Кюнар...

Люси прикрыла глаза. Пометка «конфиденциально» на этом документе неумолимо напоминала ей о том, что она превышает свои служебные полномочия, но это еще усугубило ее интерес к данной информации.

Степень пигментации у основания, открытый корень и полая луковица указывают на то, что шерстинка принадлежит животному, которое либо живо, либо умерло не более пятидесяти дней назад... Микроскопический осмотр выявил медуллярный индекс 0,54, что явно слишком много для человека... обработка азотной кислотой выявила наличие сердцевины... последовательность оснований в митохондриальной ДНК... путем генетической амплификации полимеразной цепной реакции... результат ауторадиографии был отослан в департамент изучения животных Национального агрономического института Париж

Гриньон... Благодаря их генетическому банку данных различных видов животных они могут провести сравнительное изучение образца с имеющимися в их распоряжении кариотипами...

Где-то хлопнула дверь. Сердце у Люси подскочило. Но тревога оказалась ложной.

Ответ мы получили менее чем через час... совпадение – 99,99 %... шерстинка принадлежит *Canis lupus*... волку.

Люси вздрогнула и перечитала эти строчки еще раз, чтобы убедиться, что ей не померещилось.

Но так оно и было – в горле девочки оказалась волчья шерстинка.

Люси погрузилась в дальнейшее чтение, на сей раз полностью сосредоточившись на содержании отчета и больше не обращая внимания на шаги в коридоре.

Осталось определить подвид. Шерстинка была отослана в Лабораторию биологии высокогорных популяций в Гренобле, которая участвует в переписи видов волков в рамках программы «Волчий след»... Ответ ожидается в пятницу. Трудно объяснить нахождение шерстинки в пищевode жертвы, так же как и установить, была ли она проглочена добровольно или по принуждению.

Конец страницы. Продолжение пока не появилось. От нетерпения Люси готова была сгрызть ногти вместе с пальцами. Факс помигивал крошечными лампочками, с тихим шорохом обрабатывая в своем электронном нутре очередную порцию данных. Ну как такая совершенная машина может быть такой медлительной?!

На сей раз громкие раскаты голосов застали ее врасплох. Топот многочисленных шагов по коридору – можно подумать, приближался полк легкой кавалерии! – она тоже услышала слишком поздно.

Из факса не спеша пополз очередной листок. Но ей нельзя больше здесь оставаться! Люси вполголоса выругалась, выскользнула за дверь и прикрыла ее за собой. Подгоняемая паникой, она вбежала в свой кабинет и плюхнулась на крутящийся стул. А вдруг ее все же заметили?.. Ее щеки все еще пылали, когда ей на плечо опустилась тяжелая ручища капитана Равье.

Глава 12

Натали Куттёр, открывшая дверь Виго Новаку, выглядела усталой. Широкие круги под глазами придавали ей сходство с Ги Бедо[7 - Бедо Ги – французский эстрадный актер, комик.]. Хрупкая фигурка в вельветовых брюках и свитере только усиливала впечатление усталости и беспомощности. Виго часто спрашивал себя: как этот нежный цветок чувствует себя на супружеском ложе под стокилограммовой тушей Сильвена, у которого к тому же и мускулы как у молотобойца?

– Паршиво выглядишь, Натали.

– Да ты и сам не лучше... Ну и синячище у тебя!..

– А, это меня дверью шарахнуло. Приятного мало, чего уж там...

В углу гостиной стояла натуральная елка, не столь высокая, сколь широкая, которой было почти не видно за разноцветными электрическими лампочками. Ветки клонились под грузом пластиковых шаров и ангелочков, образуя десятки скорбных хлорофилловых гримас.

«Типично для тех, кто пытается скрыть свою нищету, – подумал Виго. – Чем меньше у людей денег, тем пышнее они украшают елку на Рождество...»

Он сел в старое кресло и указал на раскаленную угольную печку:

– А не опасно использовать такое старье? По-моему, она еще и неисправная. – Виго поднялся и осмотрел печку со всех сторон. – О, да тут еще и труба треснула! Я бы на твоём месте поостерегся. Знаешь, сколько людей погибает от отравления угарным газом в одном только нашем регионе?

– Моя мать мне это уже говорила, так что не сыпь мне соль на раны. Но паровой котел у нас сдох, а одними только обогревателями делу не поможешь. Печка – это временный вариант, благодаря ей мы хотя бы не окоченеем от холода на Рождество! Трубу мы пока замотали скотчем, и какое-то время она продержится.

– Кстати о скотче – ты не плеснешь мне немного? Я что-то никак не согреюсь...

Натали исполнила просьбу и протянула руки к мини-вулкану, пылающему в угольной печи.

– Я жалею, что Сильвен тебе рассказал о наших проблемах, – почти прошептала она.

– Ну я же ваш друг. Дружья нужны не затем, чтобы разделять с вами только веселье.

– В последнее время у нас с весельем негусто. До Рождества осталось меньше трех часов, а я еще не привела себя в божеский вид, чтобы мужу было приятно на меня смотреть. Из-за всего того, что на нас в последнее время свалилось, нынешнее Рождество явно не попадет в каталог наших лучших воспоминаний!

Нас прямо-таки преследует невезение. Это какой-то злой рок!

Виго поудобнее устроился в потертom кожаном кресле и положил ногу на ногу.

– Невезение? Ты знаешь Жана-Франсуа Даро, велогонщика? За время своей спортивной карьеры он тридцать пять раз попадал в аварии, получил около сорока переломов и три раза был в коме. В общей сложности он провел в больницах две тысячи дней. И ни разу не случилось так, чтобы он получил травму по своей вине! Он всегда ездил по правилам, не превышал скорости, но вдруг кто-то, человек или животное, выбегал перед ним на дорогу, и избежать столкновения было почти невозможно. Судьба как будто нарочно притягивала к нему такие случаи. А вот другой пример – Рэй Салливан, знаменитый американский лесничий, в которого семь раз ударяла молния, и он остался в живых. К некоторым судьба притягивает счастье, к другим – несчастье. Вы с Сильвенom, по-моему, далеки от обеих крайностей. Так почему ты говоришь о «злом роке»?

Но, видя неподдельное отчаяние на лице молодой женщины, он слегка провел ладонью по ее волосам и спросил:

– Ремонтник уже смотрел ваш котел?

– Да... он составил смету работ...

– И через какое время он обещал заменить котел?

– Через три дня... – Виго заметил, что она нервно сглотнула.

– Во сколько это обойдется?

– Это дорого... слишком дорого.

В этот момент под аркой, символически отделявшей гостиную от холла, появилась массивная фигура Сильвена – небритого, не снявшего куртки. Однако на его лице сияла улыбка.

– Малышка уж заснула... Привет, Виго!

- Сильвен, тебе бы переодеться... еще час до закрытия банка.

- О чем он говорит? - удивленно спросила Натали, обернувшись к мужу.

Вместо ответа Сильвен лишь пожал плечами.

- У меня восемь тысяч евро на ПЖС[8 - План жилищных сбережений - один из видов жилищных сберегательных счетов.], - объяснил Виго. - Назовите сумму, которая вам нужна, и я улажу это дело.

Прежде чем Натали успела возразить, он вскочил с кресла и прижал палец к ее губам.

- Тсс! Все равно эти деньги просто лежат на счете, и польза от них только банкирам, которые втихую проворачивают свои махинации! Я и без того уже достаточно покормил этих свиней! Нас заставляют делать сберегательные вклады, чтобы поддерживать их бесполезные программы! А если я завтра помру, какая мне польза от этих денег? *Care diem*[9 - Лови момент (лат.)], как сказал кто-то из великих. Вы должны принять от меня эту сумму!

Натали отступила и, резко повернувшись к мужу, посмотрела на него недобрым взглядом:

- Сказал бы что-нибудь, недотепа, чем слушать! Мы не можем взять эти деньги!

Но Сильвен продолжал молча обдумывать ситуацию. В конце концов, план у Виго хитроумный и наверняка поможет им избежать подозрений. «Глупо скрести по сусекам, когда у тебя есть два миллиона евро» - такая мысль должна прийти в голову полицейским, если вдруг они каким-то чудом выйдут на след похищенных денег.

- Вы оба от меня что-то скрываете! - все больше начиная нервничать, воскликнула Натали. - Я же знаю своего мужа! Когда у него появляется такой блеск в глазах, это значит, что он собирается мне объявить какую-то новость! Ну, в чем там дело, Сильвен, признавайся!

- Понятия не имею, дорогая! Клянусь!

В подтверждение этих слов он поцеловал жену в губы и добавил, уже направляясь в ванную:

– В нашем нынешнем положении нам ничего не остается, как согласиться. Даже самые опытные моряки посылают сигнал SOS, когда попадают в бурю!

– Это ты сам придумал?

Пока Сильвен переодевался, Виго, используя все свое умение убеждать, все же уговорил Натали принять его помощь.

Когда мужчины вышли, каждый с какими-то своими тайными мыслями, Натали уже собиралась запереть за ними дверь, чтобы наконец-то привести себя в порядок к Рождеству, но тут заметила, что ключ исчез. Она была уверена, что видела его на всегдашнем месте еще совсем недавно...

Однако Натали настолько устала от всех этих загадок и так хотела забыть обо всех проблемах хотя бы на один вечер, что решила выбросить это из головы и направилась в ванную.

Сегодня ей хотелось повернуть время вспять и воссоздать атмосферу первой встречи.

Пусть даже это будет последний танец... Самый последний ее танец.

Глава 13

Целый букет похвал от капитана Равье! Люси, «простой полицейский Пино»[10 - Пино – герой кинокомедии, чье имя стало нарицательным.], никак не могла прийти в себя. Результаты вскрытия подтвердили ее первоначальную гипотезу. Синюшные пятна, появляющиеся на трупе в местах внешнего воздействия, в данном случае доказывали, что труп был перемещен как минимум спустя три четверти часа после смерти. Это говорило о том, что убийца оставался на месте преступления еще долго, очень долго, чтобы сохранить ужасную застывшую

улыбку на губах мертвой девочки.

Итак, Равье, по обоюдному согласию с комиссаром, официально включил Люси в следственную группу, где она должна была напрямую подчиняться лейтенанту Норману. Конкретных задач перед ней не поставили – ей предстояло стать чем-то вроде свободного электрона: одновременно координатором, протоколистом и секретарем на телефоне. Словом, лишней парой рук, которая всегда может пригодиться при нехватке результативности.

Эта свобода действий дала ей право, совершенно неожиданно для нее самой, присутствовать на собрании, посвященном первому «разбору полетов» по данному делу. Неужели это магия Рождества позволила ей проникнуть в святая святых?

Нервное возбуждение мобилизовало ее сильнее всяких звонков будильника. Перспектива посвящения во все тонкости настоящего полицейского расследования была чем-то принципиально новым и захватывающим – после всех этих лет бумажной работы и ежедневных, повторяющихся изо дня в день операций, в которых не было ничего увлекательного. Но теперь она наконец-то могла полностью реализовать свою страсть к расследованиям – то есть в каком-то смысле воплотить в жизнь свои любимые книжки, свои тайные мечты, – и ее это несказанно радовало.

Это не игра, Люси, и не поиски сокровищ. В конце пути не будет ничего, кроме смерти и отчаяния. Хоть это ты понимаешь, по крайней мере?

Она может считать это игрой, если захочет. Игрой по правилам или без. Если для нее это единственный способ найти преступника по оставленному им кровавому следу – что ж, пусть будет так!

Когда Люси подошла к кабинету для совещаний, недавний навязчивый призрак ночного дежурства уже не мог вызвать у нее ничего, кроме улыбки. По идее уже сейчас ей пришлось бы выслушивать потоки жалоб – на горланящих соседей, на пьяные драки... То есть, в сущности, исполнять свои прямые обязанности. И одновременно с этим мечтать о мягкой постели, которая ждала ее на рассвете. Как она выдержала бы целую ночь без сна?..

– На старт! – объявил комиссар Вале, словно речь шла о начале забега.

Вале. Лицо – ледяная маска, но тело – живой сгусток энергии. Голос как наждак. Руководитель людей и генератор идей.

Кроме него здесь присутствовали лейтенанты Колен и Норман, Равье, Энебель, какой-то подполковник жандармерии и Клеман Марсо, глава отдела дактилоскопии. Стол был завален отчетами и картами региона: Фландрия, Одомаруа, Булонне, Калези... На лицах собравшихся отчетливо проступала усталость, многие то и дело зевали украдкой.

– Подполковник жандармерии Мишьель, присутствующий здесь, – руководитель операции по поиску тела Бертрана Кюнара, – с места в карьер начал комиссар. – Наше тесное сотрудничество позволит координировать различные направления расследования и восполнит нехватку людских ресурсов. Клемана Марсо, нашего аса-дактилоскописта, я полагаю, вам представлять не надо. Я настоял на том, чтобы он присутствовал на совещании, и вы скоро поймете почему. Итак, начнем. Равье, обрисуй ситуацию. Только покороче.

Клик мышью. На экране появилась фотография мертвой девочки, сделанная на месте преступления. По кабинету пронесся негромкий гул, лица присутствующих вытянулись. Люси судорожно вдохнула. Только Равье с невозмутимым видом приступил к изложению фактов.

Он рассказал о том, что было обнаружено на заброшенном складе, подтвердил, что кровь на асфальте действительно принадлежала Кюнару и что собаки проследили след хирурга до того места, где остались отпечатки шин, – это означало, что тело увезли в машине.

– Очень хорошо, – сказал комиссар. – Какие подробности на данный момент? Лейтенант Колен, что выяснилось из допроса матери?

Колен. Сорок два года, на вид еще старше. Горит на работе, всегда хочет быть лучшим. Распят на кресте служебного долга.

– От нее трудно было чего-то добиться, у нее слишком сильный психологический шок... Сейчас она в больнице Эрбо. Девочка была похищена в ночь на девятнадцатое декабря. Ее отец в это время оперировал в Лондоне, мать спала у себя в спальне. Туке в это время года – настоящий город-призрак: магазины

закрыты, пляжи пусты, местных жителей мало, их почти не видно...

В большинстве пустующих особняков установлена сигнализация, но Кюнар включал ее только тогда, когда вся семья отсутствовала. Похититель проник в дом через сад. Разбил стекло, предварительно залепив его клейкой пленкой, чтобы избежать шума. Помимо жертвы он забрал с собой груды ее одежды и обуви. Утром, когда мать зашла в комнату девочки, она нашла на пустой кровати письмо. Там называлась сумма выкупа – два миллиона евро – и говорилось о том, чтобы родители не смели звонить в полицию ни до передачи выкупа, ни после, под угрозой страшных последствий. Кюнар спешно вернулся из Лондона. В последующие три дня они получили еще несколько писем, отправленных по очереди из Дюнкерка, Птит-Синт и других окрестных городишек, где поэтапно был описан маршрут, по которому следовал Кюнар, чтобы забрать Мелоди. Он должен был снять деньги со счета в Бельгии и передать выкуп непомеченными купюрами по сто евро. Остальное вы знаете.

– Семья Кюнар живет в Туке круглый год? – спросил Равье.

– Ну, для них это скорее «порт приписки». Муж и жена очень часто отсутствуют. Кюнар появляется дома лишь на выходные. Дочь они доверили попечению Мартины Кликнуа – та была одновременно медсестрой, горничной и вообще второй матерью для Мелоди. Она опекала девочку постоянно. Но на момент похищения у нее был небольшой отпуск, она каталась на лыжах в Альпах. Еще у Кюнаров была собачка Трещотка, йоркширский терьер...

– Она убита?

– Она исчезла.

Колен отпил немного кофе из стоявшей перед ним чашки, затем продолжал:

– На месте найдены сотни отпечатков пальцев, но именно потому, что их слишком много, большинство из них невозможно изучить. Вот у меня список ста десяти сотрудников, уволенных мадам Кюнар в две тысячи третьем году, и копии писем с оскорблениями, которые получали она и ее муж. Некоторые написаны от руки, некоторые представляют собой склейки отдельных слов, вырезанных из газет. В первую очередь мы займемся проверкой уволенных служащих. Эксперты уже изучают письма в лабораториях. У всех служащих будут взяты образцы ДНК и отпечатки пальцев, их сличат с теми, что будут

обнаружены на письмах и конвертах. Если убийство – дело рук кого-то из них, мы быстро это выясним. Убийца...

Но тут его перебил Равье, в руках у которого также был целый веер служебных бумаг:

– Думаю, об этом придется забыть. Полчаса назад я получил первые результаты из лаборатории...

Люси непроизвольно поднесла руку к лицу, словно пытаясь остудить вспыхнувшие предательским румянцем щеки. То, о чем говорил капитан, в основном было ей уже известно, – она практически украла эту конфиденциальную служебную информацию. Лейтенант Норман заметил ее жест прежде, чем она успела отвернуться.

Равье продолжал:

– Марки на конвертах, в которые запечатывал письма похититель, были наклеены самым обычным клеем, из тех, что продаются в любом супермаркете. ЭСАД[11 - Электростатический анализатор документов – прибор, способный обнаружить на бумаге оттиски, не различимые невооруженным глазом. – Прим. автора.] не показал ничего необычного. Так что, боюсь, с этими письмами мы далеко не уйдем. Больше шансов у нас появится, если мы выясним, кто из уволенных служащих мог иметь контакт с волком...

– Что?.. – удивленно переспросил Вале.

– Комиссар, вы ведь присутствовали на вскрытии и знаете, что патологоанатом нашел волчью шерстинку в глубине гортани девочки. Эту шерстинку немедленно отправили в лабораторию. Я получил результаты...

– Ну-ну, не тяните!

– Они абсолютно точны: это шерстинка волка. Живого или умершего в течение последних двух месяцев.

Комиссар машинально провел ладонями по лицу, внешне по-прежнему невозмутимому. Затем проговорил:

– Просто безумие!.. Это какой-то... ну ладно, после разберемся. Клеман, расскажи про отпечатки пальцев. Так сказать, для полноты картины... раз уж у нас тут чистый триллер. К остальным просьба – слушать внимательно.

Клеман Марсо, месье Главный Дактилоскопист. Волосы ежиком, круглые очки в металлической оправе, глаза, пронизывающие собеседника насквозь, словно рентгеновские лучи...

– В самом деле, примечательный случай, – начал он. – Отпечатки пальцев существуют благодаря отверстиям протоков потовых желез, образующих гребешковые выступы на коже, которые вместе с разделяющими их бороздками и создают папиллярный узор. Как правило – подчеркиваю, как правило, – рельефные папиллярные линии сохраняются даже после самых сильных повреждений: например, в случае если кожа на пальцах содрана, или сами пальцы расплющены, или подверглись какой-то иной деформации. Если обжечь или порезать подушечки пальцев, то после того как исчезнут волдыри и струпья, папиллярный узор полностью восстанавливается без малейших изменений. Он образуется еще в период внутриутробного развития и остается довольно долго уже после смерти. Да, все это время у каждого из нас сохраняются свои неповторимые отпечатки пальцев! И их ничем нельзя уничтожить...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Барбапапа – забавное бесформенное существо, персонаж детского мультсериала, снятого по книгам Аннет Тизон и Таласа Тэйлора.

2

Региональная служба судебной полиции.

3

Personality and Preference Inventory (англ.) – Оценка личности и наклонностей.

4

Витола (исп. vitola) – специальный термин для обозначения формы и размера сигары.

5

Евро-Лилль – деловой и торговый район Лилля.

6

Марсупилами – герой мультфильма, зверек, который больше всего напоминает мартышку с очень длинным хвостом, но расцветкой скорее похож на леопарда.

7

Бедо Ги – французский эстрадный актер, комик.

8

План жилищных сбережений – один из видов жилищных сберегательных счетов.

9

Лови момент (лат.).

10

Пино – герой кинокомедии, чье имя стало нарицательным.

11

Электростатический анализатор документов – прибор, способный обнаружить на бумаге оттиски, не различимые невооруженным глазом. – Прим. автора.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/frank-tile/komnata-mertvyh>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)